

Педро Кальдерон Де Ла Барка. Чистилище святого Патрика

Перевод Константина Бальмонта
Pedro Calderon de la Barca. Dramas
Педро Кальдерон де ла Барка. Драммы. В двух книгах.
Книга первая
Издание подготовили Н. И. Балашов, Д. Г. Макогоненко
"Литературные памятники", М., "Наука", 1989
OCR Бычков М.Н.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эгерио, царь Ирландии
Патрик
Людовико Энио
Паулин, крестьянин
Леогарио
Филипо
Капитан
Неизвестный, закутанный в плащ
Два инока
Старик крестьянин
Добрый ангел
Злой ангел
Полония
Лесбия
Льосия, крестьянка
Стража, солдаты, иноки, крестьяне и крестьянки

ХОРНАДА ПЕРВАЯ

Берег моря.

СЦЕНА 1-я

Царь Эгерио, одетый в звериную шкуру:
Леогарио, Полония, Лесбия, Капитан.

Царь (в исступлении)

Нет, дайте умереть мне!

Леогарио

Государь!

Капитан

О, рассуди!

Лесбия

Остановись!

Полония

Подумай!

Царь

Оставьте, если мне возвещены
Такие муки, пусть я сброшусь в
волны,
солнца,
беснуясь!

Лесбия

Стремишься к морю бурному?

Полония

спал,

Ты

тобою?
О, государь! Скажи нам, что с

Царь

Со мною пытки бешеного ада,
Всегда ненасытимого исчадья,
Что породил семиголовый зверь -
Дыханьем затемняющий пространство
Четвертой сферы, ужас и мученья
Такие, что с самим собой, борюсь,
И дикий сон моей владеет жизнью,
И я в его объятьях труп живой
Я видел бледный грозный призрак
смерти.

Полония

Что ж видел ты во сне, чтоб так
смущаться?

Царь

О, дочери мои, приснилось мне.
Что изо рта у юноши (хоть это
Был жалкий раб, но что то мне

мешает

Его бранить), что изо рта раба
В сияньи тихом пламя исходило,
Обеих вас оно касалось кротко,
Пока вы, ярко вспыхнув, не

зажглись

Желая защитить вас, между вами
И пламенем живым я встал, -

напрасно.

Огонь меня не трогал и не жег
Исполненный отчаянья слепого,
Я вырвался из этой бездны сна.
Стряхнул оковы этой летаргии.
Но пыткой так исполнен я, что

сном

Мне чудится, что предо мною

пламя.

И вы горите, но стораю - я.

Лесбия

То призраки воздушных сновидений
Роняют в души к нам толпу химер.
(Звучит рожок.)
Но вот звучит рожок!

Капитан

Он

возвещает,

Что к гавани приблизился корабль.

Полония

удалиться,

О, государь, позволь мне

сирены;

Ты знаешь, звук военного рожка
Меня влечет сильнее, чем зов

быстролетных,

Когда гремят военные доспехи,
Я музыкой такой побеждена,
Моя душа стремится жадно к Марсу;
В той музыке моя да будет слава,
И вместе с ней на огненных волнах
Мое да улетает имя к солнцу,
И, рея там на крыльях

всего

Вступает в состязание с Палладой.
Хоть я должна сказать, что мне

(в сторону)

Важней узнать, приехал ли Филипо.
(Уходит.)

Леогарио

Сойди на берег моря, государь,
Взгляни, как о подножие утеса
Оно курчавой бьется головой;
Едва тюрьму кристальную покинув,
Оно дрожит в темнице из песков.

Капитан

взметнув,

Рассей свое волнение созерцаньем
Владыки вод, окутанного снегом.
Взгляни, как, волны синие

Те зеркала из темного сафира
Он заключил в серебряные рамы.

Царь

Ничто меня обрадовать не может;
Так глубоко тоска владеет мной,
Что грудь моя – вулкан, а сердце

- Этна.

Лесбия

Что может быть прекрасней, чем

веселый

Вид корабля, когда своею грудью
Он разрезает водное стекло?
Качаясь на своей лазурной сфере.
Он мчится, быстрый, рыба для

ветров,

И птица для волны, скользит,

воздушный.

Легко двумя стихиями объятый,
Плывет по ветру, по воде летит

{1},

Но наших глаз теперь он не

ласкает.

Чело нахмурив, море возмутилось
И бездны громоздит, как глыбы

гор.

С разгневанным лицом Нептун

свирепый

Взмахнул своим трезубцем; и моряк
Ждет бури, увидав, что прямо к

небу

Взметнулись пирамиды изо льда,
Восстали горы влаги, башни снега,
Блистательные замки пенных брызг.

(Входит Полония.)

Полония

Несчастье! несчастье!

Царь

Что

случилось?

Полония

Вздымавшийся до неба Вавилон,
Изменчивый и жадный (кто поверит,
Что жаждать может водная стихия?)
Такой исполнен ярости слепой,
Что захотел сокрыть в глубоких
недрах
Толпу людей, где только что
замкнул их
В коралловых гробах, в могилах
снежных,
Средь склепов серебристых. Бог
ветров
Освободил все ветры из темницы,
И тотчас, беззаконные, они
Накинулись без предуведомленья
На тот корабль, которого рожок
Пропел, как лебедь, песню перед
смертью.
следила,
За ним с высот спокойно я
Глядя с горы, ушедшей в небеса:
Я думала, что едет там Филипо;
В дыхании обманчивых ветров
Твои гербы дрожали на знаменах,
Как вдруг я вижу быстрое
крушенье,
крик,
первый,
Все голоса слились в протяжный
Исчез Филипо, меж обломков,
И, силой слез и горьких стонов, я
Соединилась с ветром и волнами.

Царь

Так вот как, боги! Вы такой
угрозой
Терпенье испытуете мое!
Хотите, чтобы в гневе я низринул
Ваш свод? Чтоб, как второй
Немврод, взметнул
Себе на плечи этот мир громадный,
Смеясь над тем, что молнии и гром
На части разрывают глубь лазури?

СЦЕНА 2-я

Та же. - Патрик и за ним Людовико.

Патрик (за сценой)

О, Господи!

Леогарио

Какой печальный

голос!

Царь

Что там такое?

Капитан

Спасся вплавь

один.

Лесбия

И захотел спасти еще другого,
Меж тем как тот в волнах уж

погибал.

Полония

Несчастный странник, брошенный

судьбою

В края чужие, - голос мой услышь!
Я говорю, чтобы тебя ободрить,
Сюда, сюда!

(Входят Патрик и Людовико,
держа друг друга в объятиях.)

Патрик

Господь мне да

поможет!

Людовико

Мне - дьявол!

Лесбия

Жаль глядеть на

них.

Царь

Не мне.

Я жалости не знаю.

Патрик

Умоляю,

Во имя Бога, сжальтесь. Если даже
Рассказ о горе трогает сердца,
Не думаю, чтоб кто-нибудь нашелся
Такой жестокосердый, что при виде
Несчастливого не тронется.

Людовико

А мне -

Не надо милосердья. Не прошу я
О жалости ни Бога, ни людей.

Царь

Скажите, кто вы, чтобы мы узнали,
Какое милосердье оказать вам,
Какое быть должно гостеприимство.
И чтоб узнали вы, с кем говорите,
Я имя назову свое сперва,
Чтоб, говоря со мной, вы оказали
Моей особе должное почтение.
Меня зовут Эгериио, я царь,
Владыка царства малого; его я
Считаю малым, раз оно мое,
И до тех пор в себя я не поверю,
Пока не станет целый мир моим.
И я одет не в царскую одежду,
На мне одежда варвара, я - зверь,
И пусть для всех кажуся диким

зверем.

Имен богов не знаю я; не верю
Ни в одного; их нет здесь между

нами,

Мы никому не молимся, не верим;
Мы верим лишь в рождение и
смерть .

Теперь, мое величие узнавши.
Узнав, кто я, скажите мне, кто
вы?

Патрик

Меня зовут Патрик. Моя отчизна -
Ирландия, ее другое имя -
Гибберния; родимое селенье
Мое зовется Токсом, и едва ли
Ты слышать мог о нем когда-
нибудь ,

Незнатное и бедное селенье.
Меж севером и западом оно
Ютится на горе, и всюду снизу
Шумит свирепо море, замыкая
В тюрьму тот горный остров {2},
что зовется

повелитель ,
Для вечной славы Островом Святых:
Столь многие, о, властный

Как мученики, кончили там жизнь,
Ревнителями веры выступая,
В чем есть предел для
совершенства верных .

Родители мои - ирландский рыцарь
И верная сопутница его.
Одна из благородных дам
французских .

Они не только эту жизнь мне дали,
Но благородства высшего другую,
Рассвет первоначальных лет моих:
Свет веры и правдивое ученье
Христа, - тот храм, в который нас
ведут

Врата небес, крещение святое,
Из таинств церкви первое. Отдав
Супружеству ту дань, что служит
общей

Для всех, кто в узы брака
заключен ,

Родители мои, из благочестья
Покинув мир, вступили в
монастырь ,

В две разные обители замкнулись,
Где жили в целомудрии, пока
Последней грани жизнь их не
коснулась.

Тогда, тысячекратно показав,
Как сильно правоверное их рвенье,
Они душою с небом сочетались,
А прах телесный предали земле.
Пять лет, как сирота, я оставался
На попеченьи женщины святой,
Пять раз двенадцать знаков

зодиака

В единой сфере солнцем озарились,
Как Бог взыскал меня своим
вниманьем,

Во мне явив могущество свое:
Всегда своим орудьем избирает
Он существа смиренные, дабы
Величие свое с сделать явным
И чтоб Ему здесь в мире надлежала
Лишь одному божественная слава.
И вот однажды, - Небо призываю
В свидетели, не суетная гордость,
А только ревность веры побуждает
Меня повествовать о сих делах,
Не мной, а небесами сотворенных,

-

Приходит к двери дома моего
Один слепой, чье имя было Гермас,
И говорит: "Сюда я послан Богом,
Он повелел, чтоб именем Его
Ты даровал мне зрение". Покорно
Велению такому повинуюсь,
Я сотворил над мертвыми глазами
Таинственное знаменье креста, -
И вдруг из тьмы они вернулись к
свету.

В другой же раз, окутавшись, как
дымом,

Густыми облаками, небеса
Вступили в распря с миром,
посылая

Потоки снега быстрые в таком
Непобедимом множестве, что только
Растаял он под жгучим светом

солнца,

Как улицы в каналы превратил

И затопил селение, и стали
Дома как бы суда из кирпичей,
Как корабли чудесные из камня.
Кто видел, чтобы можно было
плавать
водной
предначертан,
склонный
правде знанья,
занят, -
взморья,
него
плен
добычей
море.

По высям гор? и кто по зыби
Носиться мог среди лесных вершин?
Я сотворил над дикими водами
Таинственное знаменье креста,
Замерзшим языком я повелел им
Во имя Бога вновь туда вступить,
Где прежде им приют был
И воды, повинуюсь, отошли,
И в миг одна земля сухою стала.
О, кто хвалы не вознесет Тебе,
Великий Боже! Кто не возжелает
Тебя любить и сердцем исповедать!
И большее я мог бы рассказать,
Но голос мой смирением удержан,
Молчат уста, немеет мой язык.
Я вырос наконец, не столько
К военным браням, сколько к
Священному Писанию и чтенью
Житий святых, чья школа учит нас
Благоговенью, вере, упованью
И милосердной сладости любви.
И вот, - в те дни, как этим я был
Однажды вышел я на берег моря,
С кой-кем из сотоварищей моих,
Вдруг там, где находились мы у
Пристал корабль какой-то, и с
Толпой вооруженною сорвались
Корсары, бич морей, и взяли в
Меня и всех других! И чтоб
Не рисковать, - поднявши паруса,
Они, не медля, снова вышли в
Был капитаном этого судна

настолько,
дерзость,
лишь
он,
раба,
сегодня,
моря, -
глубоких
взгромоздились.
неба,
распался, -
алебастр,

Филипс Роки, дерзостный
Что если бы с земли исчезла
Ее нашли бы в сердце у него.
Уж много дней опустошал он море
И берега Ирландии, повсюду
Производя убийства и грабеж.
Из всей толпы захваченной меня
Оставил он в живых: как говорил
Меня тебе отдать он был намерен,
В знак подданства, как твоего
О, как бывает горестно обманут
В своих желаньях темный человек,
Замыслив что-нибудь помимо Бога.
Прямой свидетель этому - Филипо,
На дне морском. Не дальше как
В безветрие, уже в виду земли.
Возникшей над спокойной гладью
В одно мгновение рухнул план его.
Встал ветер и завыл в своих
И впалых недрах, море застонало,
На волны - волны быстро
Как горы над горами, и с вершин
Обрызгали соленой влагой солнце,
Гася его прекрасные огни.
Фонарь наш корабельный, вплоть у
Качался нам блуждающей кометой.
Огнисто дымным выбросном паров,
Или звездой, упавшей из оправы.
Еще одно мгновение, и корабль
Низринулся в раскрывшиеся бездны,
Морского дна коснулся, и
И вокруг него губительные волны
Восстали, как надгробный
Среди кораллов пышных и жемчужин.
Не знаю, для чего меня хранит

Святое Провиденье, - бесполезен
И скуден я, но Небо пожелало,
И у меня дыхания хватило,
Не только для того, чтобы
спасти,сь,
смертью,
тобою,
Бесстрашного и юного. К нему
Меня влечет неведомая тайна
И думаю, когда-нибудь воздаст
Он мне сторицей этот долг. А ныне
Мы, спасшись оба милостию Бога,
Теперь стоим пред вами, как рабы,
В несчастий своем, быть может в
счастья,
долен,
нашим мукам,
Мы ждем, чтоб вы смягчились нашей
Чтоб в вас возникла жалость к
Чтоб наше зло у вас нашло конец
Царь
Молчи, молчи, христианин
Не знаю, что за власть объяла
Твои слова она впивает жадно,
И, против волн, я тебя боюсь.
Перед тобой невольно преклоняюсь
Мне чудится, что ты тот самый
раб.
Что мне в моем тревожном сне
явился.
Выбрасывая пламя изо рта,
Стремительные искры выдыхая
И привлекая силою огня
Полонию и Лесбию, как ночью
Влечет костер безмолвных
МОТЫЛЬКОВ.

Патрик

То вещий сон, и пламя изо рта
Есть истина евангельского света,

Который я несу, слова Христовы
Я буду проповедовать тебе
И твоему народу; через них-то
И станут христианами отныне
Полония и Лесбия.

Царь

позорный,

Молчи,
Замкни скорей уста свои,
Меня ты оскорбляешь.

Лесбия

Успокойся.

Полония

Ты за него вступаешься?

Лесбия

Конечно.

Полония

Пусть лучше он умрет.

Лесбия

Нехорошо,
Чтоб он рукою царской был убит.
(В сторону.)
Мне жаль его. Я христиан жалею.

Полония

Иосиф {3},

Пусть он толкует сны, второй

смерти.

Не думай и не бойся, государь.
Он думает, что, если в сновиденьи
Горели мы, я стану христианкой, -
Напрасна, это так же невозможно,
Как стать живой вторично после

справедлив,
нам

Забудь свой гнев, хоть он и
И чтоб развлечься, выслушаем, что
Расскажет о себе второй из них.

Людовико

сходство -
этом
настолько ж,
зло.

Внимай же, неземная красота.
Я так начну мое повествованье.
Эгерио, великий царь ирландский,
Я Людовико Энио, и тоже
Христианин, но только в этом
Меж мною и Патриком, хоть и в
Друг с другом мы расходимся
Как свет и тьма, иль как добро и
Но, честь Христовой веры защищая,
Тысячекратно отдал бы я жизнь.
Так я ценю ее. Клянуся Богом!
Клянусь Им, потому что в Бога

верю.

Тебе не расскажу я никаких
Деяний благочестья, ни небесных
Чудес, через меня свершенных

Богом,

Но целый ряд убийств и злодеяний,
Предательство, и низость, и

кощунство:

Я ряд не только сделать

преступленье,

Но рад сказать, что я его

свершил.

Родился я на острове, средь

многих

Ирландских островов. Подозреваю,
Что, слитые в губительном

влияньи,

Все семь планет присутствовали

свыше

При горестном рождении моем,
Смятенные в своем разнообразьи.
Луна послала мне непостоянство,
Меркурий дал мне разум: я его

Употребил во зло, и лучше б было
Мне вовсе не иметь его! Венера,
В обычном сладострастии своем,
Дала мне блеск обманных
вожделений;

Марс дал жестокость сердца, - и
чего
Марсом?

От Солнца получил я, как черту
Обычную во мне, желанье - вечно
Быть пышно-расточительным, и вот,
Когда нет денег, я краду и
граблю.

Юпитер дал надменность мне и
роскошь

Причудливых мечтаний, а Сатурн
Гнев бешенства, и мужество, и
душу,

Готовую на тысячи измен.
Из этих черт возникла цепь их
следствий.

Отец мой, по причинам, о которых
Молчу из уважения к нему,
Был изгнан из Ирландки. Он прибыл
В один испанский город, Перпиньян

{4};

Тогда мне было десять лет, не
больше;

шестнадцать.

Да воспомянет Бог о нем на небе!
Я сиротой остался одиноким
Во власти снов и прихотей моих
И мчался я в просторе своеволя,
Как дикий конь, порвавший повод,
В моем беспутстве все я основал
На женщинах и картах: это были
Два полюса мои. Заметь, какие!
Невластен все поведать мой язык,
Узнай хоть краткий перечень
событий.

Чтоб обесчестить девушку одну,
Я умертвил отца ее и я же,
Когда один достойный рыцарь спал
С своей женой, убил его в
алькове;

Я честь его омыл его же кровью
И превратил постель его в
подмости
Зловещие, где братскою четой
Пришлись убийство с
прелюбодеяньем.
Итак отец и муж за честь свою
Мне заплатили жизнью: и у чести
Случается, что мученики есть.
Да вспомянет Бог о них на небе!
От кары за убийство убегая,
Во Францию я прибыл, где доньше,
Как думаю, мои деянья помнят.
Меж Францией и Англией тогда
Была война {5}, и я сражался
храбро
Под знаменем Эстефано, в рядах
Французских; и однажды в жаркой
схватке
Так отличился я, что сам король
За храбрость дал мне чин
знаменоносца.
Не стоит говорить тебе о том.
Как оправдал его я ожиданья.
Я был осыпан знаками отличья.
И раз, когда вернулся в
Перпиньян,
Зашел я в кордегардию и, в карты
Играя, из-за вздора я ударил
Сержанта, капитана умертвил
И ранил трех еще среди игравших
На крики их толпой сбежались
стражи,
Я бросился в один соседний храм.
Какой-то сыщик стал мне на
пороге,
И тотчас был убит средь злодеяний
И доброе я дело совершил
Да вспомянет Бог о нем на небе!
Я выбежал за стены городские,
И в чистом поле дали мне приют
В обители священной инокини
И там в уединении я жил
Спокойно, мирно, между тех
монахинь
Одна была из родственниц моих,
Она то и сочла священным долгом

Взять на себя такое попеченье
Но сердце у меня, как василиск.
Весь этот мед в отраву превратило
От света благодарности меня
Швырнуло к вожделению, и встало
Желание, - чудовище, чья пища -
Все то, что невозможно, - яркий
пламень,
Что хочет ярче вспыхнуть, если ты
Его задуть захочешь, - раб
лукавый.
Убийца господина своего, -
Желанье, говорю я, в человеке.
Что презирая Бога и людей,
Чудовищное любит потому лишь.
Что вот оно чудовищно, - и ужас,
Как самый ужас, любит. Я
дерзнул...
Но только что до этого дойду я
В своем воспоминаньи, государь.
Душой моей смущение владеет,
Мой голос умолкает, звук его
Печально замирает на устах,
И сердце разрывается на части,
Ему как будто душно там в груди,
И волосы встанут от страха дыбом,
Как будто я среди сумрачных
теней,
колебаний,
Я рассказать тебе не в силах то,
На что хватило мужества, чтоб
сделать.
Ну, словом, в этом гнусном
преступленья
Так много омерзительных сторон,
Кошунства, богохульства, что
порою
(Довольно, если это я скажу!)
Я чувствую раскаянье. Однажды,
Когда молчанье ночи создавало
Непрочные гробницы сна для
смертных;
Когда лазурь задернулась покровом
Из мрака, этой траурною тканью,
Что ветер расстиляет по кончине
Блистательного солнца, и кругом

Ночные птицы пели панихиды,
И трепетно в волнах сафира звезды
Мерцаньем освещали небосвод, -
С двоими из друзей своих (на это
Друзья всегда найдутся) я
пробрался
Через ограду сада в монастырь.
Охваченный волнением и страхом,
По тени смертной с ужасом ступая,
Достиг я кельи (вымолвить боюсь),
Достиг я кельи той, где
находилась
Монахиня, с которой я был связан
Священной связью кровного
родства.
Я имени ее не называю.
Из уваженья к ней, коль не к
себе.
Она лишилась чувств, меня увидев,
И на землю упала, а с земли
Тотчас же перешла в мои объятия,
И прежде чем опомниться могла,
Она была далеко за стенами
Обители, в пустынном, диком
месте.
Где небо хоть помочь ей и могло,
Помочь не захотело. Впрочем - что
ж:
Все женщины легко прощают, если
Их убедить, что дикие поступки
Лишь вызваны одной любовью к ним.
Поплакала, помучилась, простила,
И для беды нашлось утешенье,
А так была беда ее громадна,
Что ей пришлось увидеть вместе
слитым
В одном ее возлюбленном -
уродство
Грехов таких, как воровской
захват,
Насилие, и грязь кровосмешенья,
И мрак любоддеяния, и измена
Пред Богом, как супругом, н
кощунство,
На двух конях, сынах проворных
ветра,
К Валенсии помчались мы, и там.

предались
разногласий,
было
когда бы
Назначить цену
низость
подлых!
преступлений,
меньшей мере,
схватки;

Как будто бы жена и муж,
Совместной жизни, полной
Я быстро прожил все, что только
В моем распоряжении. Без денег
И без друзей, надежды не имея
На что-нибудь другое, я решился
Прибегнуть к красоте моей жены –
Любовницы, как к средству. О,
Стыдиться мог поступков я своих,
Лишь этого я б одного стыдился!
Пустить в продажу честь!
За сладость ласк – какая это
Последний грех последнего из
Когда я ей сказал об этом плане,
Бесстыдному, она дала согласие,
Ничем не выражая удивленья,
Но только я ушел, она бежала
И спряталась в одном монастыре.
Там под началом инок святого
Она нашла приют от бурь мирских
И умерла, раскаяньем сердечным
Свою вину примерно искупив.
Да вспомнит Бог о ней на небе!
Стал тесен мир для дерзких
И увидав, что больше нет земли,
Которая б меня к себе прияла,
На родину вернуться я решил;
Казалось мне, что здесь, по
Найду я безопасность от врагов,
Найду свое прибежище, Я прибыл
В Ирландию и принят ею был
Как матерью, но скоро оказалась
Она лихою мачехою. В бухте
Попутного искал я корабля,
В засаде там корсары притаились,
Их капитаном был Филипо. Он
Взял в плен меня, но после долгой

И эта-то отчаянная храбрость
Его расположила так, что он
Меня в живых оставил. Дальше все
Ты знаешь сам. Поднялся ветер
гневный,
Он поднял смуту меж морей и гор,
И бездны посмеялись над горами.
Разрушил взрыв кристальных
стрелометов
Основы всех окрестных городов.
И рухнули они, и море билось
Презрительно о землю, устремляя
Из недр своих глубоких жемчуга
В их нежном перламутре,
порожденья
Стремительной зари, дохнувшей в
пену,
Сверканья слез из снега и огня.
И наконец, - чтоб времени не
тратить
В одном живописании, - скажу,
бурей,
Что все, кто был тогда застигнут
Отправились поужинать в аду.
Я тоже был в числе гостей
почетных,
И вслед за ними также бы ушел,
Когда б Патрик (не знаю почему я
Боюсь его, люблю и почитаю)
Не выхватил меня из волн морских,
В то время как, совсем
изнеможенный,
В себя впивал я смерть с отравой
моря
Вот все, что я хотел сказать.
Теперь
Ни жизни, ни пощады не прошу я
И не хочу, чтоб ты моим
страданьем
Смягчился или тронут был мольбой.
Скорее дай мне смерть, чтоб
вместе с этим
Окончил жизнь свою такой злодей.
хорошим
Который вряд ли может стать

Царь

ненавижу.
Хоть, Людовико, ты христианин,
Я ж христиан всем сердцем

ныне
Так храбрость я ценю твою, что

Хочу и на тебе и на Патрике
Одновременно выказать всю власть.
Могу карать, могу я и возвысить.
Могу смирать, могу и награждать
Тебя я свои объятья заключаю.
Ты будешь приближенным у меня,
Тебя к моим ногам я повергаю
(Повергает Патрика и становится на него
одной ногой.)

видеть.
И ты, и ты, вы будете отныне
Две чаши равновесья моего
И чтобы ты, Патрик, мог ясно

будешь
Как много я значенья придаю
Твоим угрозам, ты казнен не

нет.
Живи и, если хочешь, извергай.
Как пламя, слово Бога, не боюсь я
Ни всех чудес его, ни божества.
Живи, но навсегда останься нищим.
Неси тяготы рабского удела,
Как существо, в котором пользы

поле,
Ты будешь исполнять работы в

силах
Ты будешь сторожить мои стада,
Пасущиеся вон по тем долинам,
Увижу я, избавит ли твой Бог
Тебя от рабства, будешь ли ты в

Распространять везде его огонь.
(Уходит.)

Лесбия

Мне жаль Патрика.
(Уходит.)

Полония

НИСКОЛЬКО,

Мне не жаль

Я жалости не знаю, и уж если
Кто трогает меня, так Людовико.
(Уходит).

СЦЕНА 3-я

Патрик, Людовико.

Патрик

О, Людовико, я повергнут наземь,
Ты вознесен, и все же я исполнен
Не зависти, а скорби за тебя.
И говорю тебе одно лишь слово:
Не позабудь, что ты христианин.

Людовико

первой

Патрик, позволь мне насладиться
Улыбкой переменчивой судьбы.

Патрик

обещанье.

Что ж, насладись. Но дай мне

Людовико

Какое?

Патрик

увидишь.

В этой жизни ты меня,
Живой иль мертвый, раз еще

Людовико

Такое должен дать я обещанье?

Патрик

Прошу тебя.

Людовико

Я обещаю.

Патрик

Помни.

(Уходит.)

Деревня в окрестностях столицы Эгеро.

Сцена 4-я
Филипо, Льюсия.

Льюсия

Не обессудьте, если не сумела
Вам угодить.

Филипо

Вы более виновны,
Чем можно заключить из ваших

слов.

Смотря на вас, я полон

наслажденья

И боли, и поэтому я должен
Одновременно вас благодарить
И упрекать. Вы жизнь мне

даровали,

И вместе с тем вы даровали

смерть.

Льюсия

Ответить вам я, право, не умею:
Я так проста, я ничего не знаю,
Но чтоб избежать долгих

рассуждений,

Вот вам мои объятия, они.
Безмолвные, вам за меня ответят,
(Обнимаются.)

СЦЕНА 5-я
Те же. - Паулин.

Паулин
(в сторону)

Ай, батюшки! Родимые! Что вижу!
Жену мою целуют! Что тут делать?
Убить их? что ж, убью. Да вот
беда,
Боюсь, она меня убьет, пожалуй,

Филипо

Красавица пустынных этих гор,
Не зная, чем твое гостеприимство
Вознаградить, прошу - возьми
кольцо.
Звезду небес тебе в нем дать
хотел бы.

Льосия

Беру лишь потому, что это ваше,
Не из корысти.

Паулин
(в сторону)

Ей дают кольцо.
И я, как муж, увидел: что тут
делать?
Как муж, я должен, кажется,
молчать.

Льосия

Вторично отдаю в своих объятьях
Всю душу вам, другого не имею
Сокровища.

Филипо

В объятьях этих
нежных
Легко забыть все зло, что вынес я
От ярости кристальной влаги моря.

Паулин

(в сторону)
Ай, ай! Опять объяться.

(К Филипо.)

Сударь, сударь!
Вы, кажется, не видите, что это
Моя жена?

Филипо

Ваш муж нас увидал,
Я уйду, но я вернусь сейчас же,
(В сторону.)
Полония, ты верно б огорчилась.
Когда бы увидала, до чего
Меня доводит рок мой беспощадный.
О, море, ты дерзаешь посягать
На небо, и в каких глубоких

недрах

Сокрыты жизни, взятые тобой?
(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Паулин, Льосия, потом Филипо.

Паулин

(в сторону)

Ушел. Поговорим теперь погромче.
(К Льосии.)

На этот раз, Льосия, я тебя
Поймал с поличным и да буду

проклят,

Когда тебя я палкой не побью.

Льосия

Вот злюка! Чтоб тебе со света

сгинуть!

Паулин

Так, так. Вы - обнимаетесь, я -

злюка.

Не мог же я не видеть. Где ж тут

злость?

Льосия

положенья,
видит :
Вот то-то где! Не знаешь
Что муж не должен видеть все, что
Он должен видеть только половину.

Паулин

больше;
раз
составлен
Что ж, хорошо, условие принимаю.
И так как ты проклятого солдата,
Которого к нам выбросило море,
Два раза обняла, я буду думать
Что это было только раз, не
И если за двойное обниманье
Тебе намеревался дать я прежде
Сто палочных ударов, - за один
Тебе по счету надо пятьдесят.
Ну, слава Богу, приговор
Тобой же самую, получай
По счету пятьдесят ударов палкой.

Льосия

четверть .
Нет, ты не муж, а прямо мужичище.
Довольно, если муж увидит

Паулин

ударов .
Так приговор обжалован? Отлично.
Согласно апелляции, тебе
Придется ровно двадцать пять

Льосия

любит .
Иначе должен делать тот, кто

Паулин

А именно?

Льосия

Совсем тому не верить,
Что увидал, а верить лишь тому,
Что я скажу.

Паулин

Проклятая Льосия,
Ты прямо порожденье Вельзевула.
Уж лучше ты бери скорее палку
И бей меня. Так будет хорошо?
С другим два раза можешь

полюбовно
палкой.

Обняться, мне же сто ударов

(Филипо возвращается.)

Филипо

(в сторону)

Однако до сих пор он не уходит.

Паулин

Вы вовремя изволили прибыть.
Быть может, господин солдат, вам

будет

Теперь угодно выслушать меня.
Я вам весьма признателен за ваше
Ко мне благоволение, очень

тронут,

Вы снизошли ко мне и пожелали
На хижину мою и на жену
Взглянуть, как на свое добро.

Спасибо.

Но хоть премного вам я

благодарен,

А все ж, как примечаю, вы теперь
И живы и здоровы, - значит, в

путь,

Как говорится, скатертью дорога.
Нимало я к тому не расположен,
Чтоб, смуту у меня поднявши в

доме,

То, что из моря выброшено было,

Как рыба, стало плотью на земле.

Филипо

Меня подозреваете вы злостно.
Ни повода к тому нет, ни причины.

Паулин

Причина-то причиной, а вот лучше
Скажи мне, - что, муж я или нет?

СЦЕНА 7-я

Леогарио, Старик-крестьянин, Патрик.

Леогарио

смотреть,
работал!

Таков приказ. И вы должны
Чтоб он всегда без отдыха

Старик

Как сказано, так сделано и будет.

Леогарио

Но что я вижу, это ведь Филипо?
К твоим ногам, владыка, припадаю.

Паулин

Его владыкой назвал?

Льосия

владыкой.

Да,

Теперь тебе достанется за все.

Филипо

Позволь тебя обнять.

Леогарио

честь...
остался?

Такая

Возможно ли: так ты в живых

Филипо

жил я,

Здесь морем бурным выкинут я был;
Найдя приют среди крестьян, здесь

как он

Как жалкое игралище судьбы.
Пока не исцелился от недугов.
Однако ж и еще была причина.
Ты знаешь нрав царя, ты знаешь,

вспыльчив.

Честолюбив и как он страшно

пред ним.

Его нельзя смягчить упоминаньем
О крайностях изменчивой судьбы.
И я его боялся, жил надеждой,
Что кто-нибудь в отсутствие мое
Настолько умягчит его суровость,
Что он позволит мне предстать

Леогарио

же.

Ты можешь это сделать хоть сейчас

примет

Твоею смертью мнимой он настолько
Был огорчен, что с радостью

остался.

Тебя, узнав, что ты в живых

Отправимся. Я на себя беру
Вернуть тебе его расположение.

Паулин

гнев.

Прошу не осудить мой вздорный

он,

Как господин Филипо верно помнит,
Я – Паулин. Да снизойдет ко мне

Коль чем-нибудь его я оскорбил.

больше .

Я говорил, как глупый гусь, не

И я всегда готов ему служить .
В его распоряженьи днем и ночью -
Мой дом и в нем жена моя Льосия .

Филипо

Благодарю за все гостеприимство,
Надеюсь уплатить вам долг сполна .

Паулин

сразу

Так для начала я прошу, возьмите
С собой Льосию: двум тогда вы

вместе с вами,

Доставите весьма большую радость,
Ей - дав возможность быть ей

А мне - меня оставив без нее .
(Филипо и Леогарио уходят .)

Льосия (в сторону)

любовью

Любил ли кто, как я, такой

позабыта .

Несчастной: чуть блеснула -

Старик

Теперь мы, Паулин, совсем одни,
Так будь же добрее с этим новым
Работником .

Патрик

больше .

Я ваш покорный раб,
Смотрите на меня, прошу, не

Как на раба, сюда пришел затем я,
Чтоб самому смиренному служить,
И потому давайте приказанья .

Старик

Вот скромность !

Паулин

Вот смиренье!

Льосия

И

как он

Хорош собой! Его лицо невольно
Сочувствием исполнило меня.

Паулин

Льосия, между нами, этих чувствий
Так много у тебя, что, сколько

помню,

Кто б ни пришел сюда, в тебе

наверно

Он чувства пробудит.

Льосия

Грубиян!

Уж если ревновать меня ты

вздумал,

Во всех мужчин влюблюсь я.

(Уходит.)

Старик

Паулин,

Теперь тебе я дело доверяю
Первостепенной важности.

Паулин

Готов

Исполнить все, когда вам так

известно,

Что ловок я.

Старик

Мне кажется, что

раб,

Которого ты видишь пред собою,
Не очень-то надежен; между тем
Я должен наблюдать за ним, -
скажу я
Тебе потом, зачем и почему.
Итак, смотри за ним, да, братец,
в оба.
Смотри!
Следи за ним. Будь с ним всегда.

(Уходит.)

СЦЕНА 8-я
Патрик, Паулин.

Паулин (в сторону)

Могу сказать и порученье дали!
(К Патрику.)
Я страж и охранитель ваш. Доселе
Я ничего еще не охранял.
Теперь придется с отдыхом
проститься.
потому,
Не есть, не пить, не спать, и
Коль только вам угодно удалиться,
Рекомендую сделать это тотчас.
Вы даже мне окажете весьма
Большое одолжение, избавив
Меня от этих тягостных забот.
Идите с Богом.

Патрик

Нет, не
беспокойтесь,
Хоть я и раб, но я не убегу.
О, Господи, с какой отрадой буду
Я жить отныне в этой тишине!
Здесь, пред Тобой, Всевышним,
преклоняясь,
Душа отдаться может созерцанью,
Смотря на ясный лик Твоих чудес
Божественных! В немом уединеньи
Возникла человеческая мудрость,
В немом уединеньи я хотел бы

В божественную мудрость

заглянуть .

Паулин

говорите?

Скажите, с кем теперь вы

Патрик

светят,

луной,

горних?

ль

Тобой?

ли

найду я .

О, Боже! Ты всего первопричина!
Те небеса хрустальные, что

С их звездами, с их солнцем и

Не суть ли это ткани и завесы
Возвышенных твоих пределов

Стихии разногласные, огонь,
Вода, земля и ветры - не движенья

Твоей руки? Они не говорят ли,
Как велики хвалы Твои повсюду,
Как велико могущество Твое?
Земля не записала ли строками
Цветными пышность светлую Твою?
И ветер, повторенный звуком эхо,
Не вторит ли, что создан он

Не славит ли Тебя огонь хвалами,
Не славит ли вода, - и не затем

Язык есть у огня и у воды?
И потому, о, Боже Всемогущий,
Тебя искать я лучше буду здесь,
Затем что здесь Тебя во всем

Тебе, Господь, моя открыта вера,
Знак моего Тебе повиновенья,
Давай мне повеленья, как рабу,
Или скорей возьми меня отсюда -
Туда, где мог бы я Тебе служить!

(С неба опускается Ангел, в одной руке
у него щит и в нем зеркало, в другой

руке

письмо.)

СЦЕНА 9-я
Те же. - Ангел.

Ангел

Патрик!

Патрик

Чей зов я слышу?

Паулин

Зов?

Ничей!

(в сторону.)

Однако ж он рассеян! Видно, это
Поэт.

Ангел

Патрик!

Патрик

Чей зов я слышу?

Ангел

Мой!

Паулин (в сторону)

Он говорит. Я никого не вижу.
Что ж, пусть поговорит. Я не

приставлен

Ко рту его.

(Уходит.)

СЦЕНА 10-я
Ангел. Патрик.

Патрик

блаженство,

Так велико

Что я в него поверить не могу.
Передо мною облако; из дымки
Жемчужно-алой солнце выплывает;
Окружено нетленными звездами,
Среди кустов жасмина и цветов
Оно идет, сиянье разливая,
Оно идет, неся с собой зарю.

Ангел

Патрик!

Патрик

Меня пугает этот блеск,
Меня страшит неведомое солнце.
О, кто ты?

Ангел

Виктор, Ангел -

Друг Патрик, я

это.

Хранитель твой, и ныне Бог меня
Послал к тебе, чтоб передать вот

(Отдает ему письмо.)

Патрик

вовек

Прекрасный благовестник, пусть

славой!

Ты будешь окружен небесной

сил,

Ты, предстоящий там, среди высших

другими

Пред Господом, к Которому с

Свят! Свят!

Взываешь в гимне звучном: Свят!

Ангел

Патрик, прочти послание.

Патрик

такое
раб?

Я вижу
Слова: "К Патрику". - Чем же мог
Блаженство заслужить смиренный
Ничем!

Ангел

Прочти послание.

Патрик

Дерзаю.

(Читает.)

нас
скрыто:
верный

"Патрик, Патрик, приди, освободи
От рабства". Что-то высшее здесь
Не знаю, кто зовет меня. О,
Хранитель, разреши недоумение.

Ангел

Взгляни сюда.
(Показывает ему зеркало.)

Патрик

О, Боже Всемогущий!

Ангел

Что видишь?

Патрик

Вижу множество людей,
Толпу разнообразную, из старцев,
Детей и жен и все меня зовут.

Ангел

Так поспеши, спаси их от тревоги.
Толпа, что ты увидел, есть народ

Ирландии; он жаждет благовестья
Из уст твоих, правдивого ученья.
Покинь тяготы рабского удела,
Господь взыскал тебя своим
вниманьем,
Тебе велит Он веру проповедать,
Которую так хочешь ты возвысить.
Да будешь ты посланником Его,
Апостолом Ирландии. Отправься
Герман, Во Францию, там есть епископ
Иди к нему и облекись в одежду
Монаха, отправляйся после в Рим,
Тебе дадут там буллы Селестина б,
Послание, чтоб ты достиг
счастливо
Блаженной цели странствий; посети
Турский. Мартина, он теперь епископ
унесенный; Умчись со мною, в вихре
Бога повелел, чтоб ныне ты узнал
Через меня, каков удел твой в
мире, - И ты со мной пуститься должен в
путь.
(Улетают.)

ХОРНАДА ВТОРАЯ

Зал в башне, принадлежащей ко дворцу
Эгеро.

СЦЕНА 1-я
Людовико, Полония.

Людовико

Полония, кто в замыслах любви
Чрезмерен, тот и сетовать не
должен,

Когда ему другого предпочтут.
Он сам себе придумал наказанье.

надменный, -
высоты?

благородстве,

предков,

сюда,

года,

битве.

моря.

Случалось ли когда, чтобы

Возвысаясь, не был сброшен с

Так я теперь Филипо вытесняю.
Моя любовь должна его убить.
Пусть он меня превысил в

Которое даровано природой,
Еще есть благородство, что дается
Заслугами, и в этом я, не он,
Достоин называться благородным.
Он честь свою наследовал от

Моя же честь действительно - моя.
В свидетели зову я это царство,
Что сделалось безумным от побед,
Через меня одержанных. Три года
Прошло с тех пор, как прибыл я

(Мне кажется - сегодня), три уж

Как я тебе служу, - и не сумею
Исчислить все, что для Эгеро
За это время взял я в правой

Мне мог бы позавидовать сам Марс,
Я - страх земли, я - грозный ужас

Полония

Людовико,

страх

нужно

нет:

Твой благородный дух, о,

Наследовал ли ты его иль добыл,
В груди моей не только будит

И дерзновенье, но еще другое,
Не знаю что, быть может, это

Назвать любовью, может быть и

Мной стыд овладевает неизменно,
Когда душа почувствует, что я,
В борьбе, ему готова покориться.
Пока одно могу тебе сказать:
Твое желанье было б обладаньем,

надейся.
Когда б я не боялась пробудить
Жестокий гнев в отце. Но жди,

СЦЕНА 2-я
Те же. - Филипо.

Филипо (в сторону)

увидеть,
Зачем пришел искать ее? Но кто же
Настолько терпелив, чтоб не
глядеть
На то, в чем быть должно его
несчастье?

Людовико

том, что
Но кто мне поручиться может в
Моей ты будешь?

Полония

Вот моя рука!

Филипо

Нет, этого я вынести не в силах!

Полония

О, горе мне!

Филипо

правда ль?
Ты руку отдаешь
Какому-то пришельцу. Так? Не

утратить?
А ты на солнце хочешь посягнуть,
Чтоб собственный заемный блеск

Да как же ты посмел противоречить
Желаниям моим? И как же мог ты

рабом?

Не вспомнить, что ты был моим

уж,

правда,

{1}?

храбрость,

ней,

Людовико

И смел, и смею: я теперь не то

Чем, может быть, был раньше. Это

Я был твоим рабом. Кто в мире мог
Избегнуть переменчивости рока

Но не забудь, что у меня есть

И честь моя с твоей сравнялась в

Быть может - превзошла.

Филипо

Как? Дерзкий! Низкий!

Людовико

Филипо, ты ошибся.

Филипо

Не ошибся.

Людовико

А если нет, тогда...

Филиппо

Тогда?

Людовико

Солгал.

Филипо

Изменник! (Дает ему пощечину.)

Полония

Боже!

Людовико

Это оскорбление
Оставить без отмщения? О, нет!
В моей душе свирепствуют вулканы!
(Они обнажают шпаги.)

СЦЕНА 3-я

Те же. - Эгерио, солдаты.

Царь

Что тут случилось?

Людовико

ада
несчастье,
оскорбленья.
мешает
склонюсь я.

Вырвалось из
Живущее в нем бешенство,
Свирепость пыток, вечность
Пусть, государь, никто мне не
Отмстит. Пред самой смертью не
Нет ничего важней, чем честь моя.

Царь

Схватить его.

Людовико

смерти,

Пусть тот, кто хочет
Приблизится. За эту дерзость он
В награду пред тобой умрет.

Царь

ДОЖИЛ

До этого! за ним!

Людовико

Омытый кровью,
В отчаяньи, ее пролью я столько,
Что за Филипо буду гнаться

вплавь.

(Уходит, отражая удары.)

СЦЕНА 4-я

Царь

Лишь этого еще недоставало.
О, дерзкий раб! - Другой, как мне

сказали,

Тот самый, что был сослан и

бежал,

В Ирландию из Рима возвратился
И веру проповедует Христову.
Столь многие, как говорят,

вступили

В ряды учеников его, что мир
Весь разделен на партии. Я знаю,
Что он колдун. Он к смерти

присужден был

В другой стране, и спасся,

поселяя

В сердцах людей смущение и страх.
К позорному столбу он был

привязан,

Как вдруг земля, хранящая в себе
Так много мертвецов, затрепетала,
И воздух застонал, и облик

солнца,

Затмением кровавым облакаясь,
Не захотело дать свой блеск луне.
Колдун! В своих руках судьбу он

держит.

В том нет сомненья. Так мне

рассказали.

И все кто ни пришел смотреть на

казнь,

Пошли за ним, а ныне он приходит,
Чтоб волшебство испробовать на
мне .
Что ж, пусть придет и твердо
убедится
В тщете своих намерений.
Посмотрим,
Что из себя являет этот бог,
Зовущийся меж ними христианским.
Он примет смерть из рук моих, -
войдет
В пределы узкой сферы, из которой
Не вырвется, - епископ и пастух,
Дерзающий прийти во имя Папы {2}.

СЦЕНА 5-я

Капитан, солдаты; Людовика, под стражей.

-

Царь .

Капитан

Вот, мы его схватили. Он убил
Троих телохранителей и ранил
Еще других.

Царь

Скажи, христианин,
Ты можешь не дрожать передо мною?
Моей руки поднятой ты не видишь?
Но нет, все злоключения мои
Заслужены, я заслужил их больше,
И впредь да будет проклят тот,

кто сделал

Добро кому-нибудь из христиан.
Ты заслужил не кары, а награды,
Я кары заслужил за то, что сделал
Тебе добро. - Держать его под

стражей,

До казни. Больше милостей не жди,
Не будет их, христианин

бесстыдный,

Умри, как жертва гнева моего,
Не потому, что ты бесстыдно-

дерзок,

А потому, что ты христианин.
(Уходит.)

СЦЕНА 6-я

Людовико

Итак, умру, и будет смерть
Тот, кто умрет за честь, умрет за
И кто умрет среди мук и
С признательностью должен смерть
Как ту черту, что им пределом
Так пусть же оборвет он жизнь
Безумную настолько, что как будто
Она порочной стала лишь сегодня;
Она родится фениксом нетленным
Из пепла оскорбления моего.
Вся жизнь моя отравой бы стала,
Мое дыханье сделалось бы ядом,
В Ирландии я столько б крови
пролил,
Что смыл бы ею весь позор обиды.
О, честь моя! ты вражеской рукой
Повержена! так пусть и я с тобой
Умру навек. С тобой соединившись,
Над варварами этими одержим
Победу. Мне осталось жить лишь
МИГ,
Кинжал послужит мне, как честный
мститель.
Но да поможет Бог мне! Что за
демон
Толкает руку? Я христианин,
Во мне душа, а надо мной сияет
Свет веры милосердной. Так
достойно ль
Христианину ныне замышлять,
Среди толпы языческой, деянье,
Противное религии его?

Какой же я пример теперь им дал
бы
Своею смертью жалкой, - лишь одно
Опровержение славных дел Патрика!
Все те, что чтут одни свои пороки
И отрицают вечность воздаянья
И вечность славы, разве не
сказали б:
"Ну, что там проповедует Патрик
О вечности души! Ведь Людовико -
Христианин, а он себя убил,
Так значит, он, как все, теряя
душу,
Не ведал о бессмертии ее".
И были б мы, в делах
несогласимых,
Как свет и тень. Довольно и того,
Что в совершенных мною
преступленьях
Я так и не раскаялся, хотел
Свершить еще другие, потому что,
Клянусь, когда б бежать мне
удалось,
Я стал бы диким ужасом и страхом
Для Азии, для Африки, Европы.
Я приступил бы к мщению немедля,
Такому беспощадному, что здесь,
На островах Эгерии, не стало б
Ни одного, на ком я б не насытил
Своей неутолимой жажды крови!
Когда захочет молния порвать
Небесный свод, - предупреждает
громом,
И после, меж теней и клубов дыма,
Является змеею из огня,
Прорезывая воздух задрожавший.
Не то же ли и я: удар громовый
Моей души уже услышан всеми,
Недостает лишь молнии теперь.
Но горе мне! Ей больше нет
исхода,
И, прежде чем достигнуть до
земли,
Она, увы, игрушкой ветра стала.
Не потому мне горько умереть,
Что смерть моя позорной смертью
будет,

А потому, что, умерев до срока, -
До срока кончу я свои грехи.
Я жить хочу, чтобы начать отныне
Ряд новых величайших дерзновений,

О, небо, только этого хочу! {3}

СЦЕНА 7-я

Полония. - Людовико.

Полония (в сторону)

Мое решение твердо.

(Обращаясь к Людовико.)

Людовико,

Лишь в крайних обстоятельствах

любовь

Себя являет в блеске несомненном.
Тебе грозит смертельная

опасность,

Отец мой в страшном гневе на

тебя,

От ярости его ты должен скрыться.
Я щедро наградила стражей, злато
Их сделало глухими. Так спасайся
И убедись, как женщина способна
Решительною быть, забыть свой

стыд,

Как может пренебречь своею

славой.

Бегу с тобой, отныне я решаюсь
С тобою жить, с тобою умереть:
Мне без тебя не жизнь, ты в самом

сердце,

В моей груди живешь. Со мною

деньги

И много драгоценностей, их будет
Достаточно, чтобы мы могли бежать
К далеким странам Индии, где

солнце

Попеременно жжет и леденит.
Две лошади у выхода нас ждут,
Не лошади, а кошки, духи ветра,
Или, еще вернее, взмахи мысли -
Они так быстры, что хотя мы будем

тобой
нами -

Теперь спастись бегством, нам с
Не будет представляться, что за

скрою.

Погоня. Так решайся же! О чем
Ты думаешь и что тебя смущает?
Не нужно ни сомнения, ни слов.
И чтоб судьба, встающая всечасно
Помехой для любви, не помешала
Прекрасным сочетаниям таким,
Пойду вперед, а ты иди за мною;
Тем временем я отвлеку вниманье
Тюремных стражей, и побег наш

благосклонно,

И самое к нам солнце

Оно, нисшедши в волны, умягчает
Свою усталость, влагой оросив
Густую сеть своих волос курчавых.
(Уходит.)

СЦЕНА 8-я

Людовико

Бог,

Как кстати все случилось. Видит

окружен я

Что выказанный мною пыл любовный
К Полонии притворством был одним:
Хотел я, чтоб она со мной бежала,
И с помощью ее запястий ценных
И разных драгоценностей я мог бы
Покинуть этот подлый Вавилон,
Затем, что хоть и был здесь

усллада,

Почтением, я все же был рабом,
А жизнь моя безумная желала
Свободы, - и ее дарует небо.
Но женщина была бы мне помехой:
Любовь во мне - лишь беглая

мне.

Лишь чувственная жадность, и едва
Насыщено такое побужденье,
Как женщина, хотя б она была
Скромнейшей и красивейшей, претит

вольнoлюбив,
меньше?

-

бы,

Но раз уж так мой дух

Что значит смертью больше или

Полония умрет от рук моих:
Она мне отдалась в такое время,
Когда никто не любит и не ценит,

Как все, она в безопасности жила

Когда она любила бы как все.
(Уходит.)

СЦЕНА 9-я

Капитан; потом Царь, Филипо, Леогарио.

Капитан

царским,
Людовико
открыта?
Стражи!

Я прихожу сюда с приказом

Чтоб смертный приговор свой

Узнал... Но что такое? Дверь

И в башне никого? Что это значит?
Сюда, солдаты! Нет ответа!

Измена! Эй, сюда!
(Входят: Царь, Филипо и Леогарио.)

Царь

кричишь?

Что ты

Что это значит?

Капитан

скрылся,

Людовико

И стражи убежали.

Леогарио

Государь,

входила
Я видел, как сюда пред тем
Полония.

Филипо

подвигнут
О, Боже мой, так это
Она ему доставила свободу.
Тебе известно, что ее желал он
И ей служил. Я ревностью

Последовать за ними. Ныне станет
Гиберния твоя второю Троей.
(Уходит.)

Царь

погоню.
Дать мне коня, я сам лечу в

моей.
О, кто ж они, кто эти христиане:
Сомнительными разными делами
Один смутил покой мой, а другой
Похитил честь мою! Но им обоим
Придется жертвой мести стать

заплатит!

(Уходит.)

Паулина.
Лес, в глубине которого - хижина

СЦЕНА 10-я

Полония убегает, раненая;
Людовико, с обнаженным кинжалом в руке.

Полония

любовник,
Сдержи порыв руки окровавленной,
О, сжался надо мной, не как

честь,
А как христианин, и, взявши

Оставь мне жизнь.

Людовико

Полония, ты

знаешь,

горе,

дерзко

порвавши.

собою

гнаться,

какой!).

бросить -

низкий,

мощных недрах,

ярость

Филипо

казненных мною.

Что красоте всегда награда -

Не могут красота и счастье жить
В согласии; я твой палач, и

Над головой твоей вздымаю сталь,
Чтоб жить спокойно, жизнь твою

Возьму тебя с собой - возьму с

Свидетеля моих злосчастных дней,
И чрез него за мною могут

Преследовать меня, узнать, найти.
Тебя в живых оставлю я - оставлю
Разгневанной тебя и оскорбленной,
То будет - лишний враг мой (и

И значит, взять тебя с собой иль

Равно оплошность. Лучше если я,
Исполненный предательства и

Презрев законы Бога и людей,
Тебя убью теперь собственноручно.
Пусть между диких скал, в их

Я схороню навек мою беду;

И вместе с тем пусть мстительная

Достигнет этим новых насыщений:
Убью с тобой Филипо, если он
Живет в твоей груди, - убью с

И твоего отца. В моем бесчестьи
Ты первой причиною была,
Будь первой между жертв,

Полония

О, горе мне, своими же руками,

гробницу.

Как червь, я создала себе

И ты не зверь? И ты христианин?

Людовико

Я демон. Кончи. Все запечатлеешь.

Полония

О, да поможет мне Господь

Патрика!

(Людовико поражает ее кинжалом,
она падает за сцену.)

Людовико

Упала на цветы, облившись кровью
И ужасы кругом распространяя.
Теперь могу я скрыться без

помехи.

Богатств со мной довольно, чтобы

жить

В Испании, нужды не ощущая.
Поздней, в другой одежде,

измененный

Теченьем дней, вернусь я

отомстить

Предателю: обида не задремлет.
Но где мой путь? Повсюду тени

смерти.

С дороги сбился я и, может быть,
Спасаясь от погони, сам я брошусь
В предательские руки. Если только
Я не обманут внешним жалким

видом,

Передо мною сельская лачуга.
Спрошу-ка здесь, куда держать мне

путь.

(Стучится.)

СЦЕНА 11-я

Паулин, Льосия, Людовико.

Льосия (за сценой)

Кто там?

Людовико

пути,
приятель!

Я странник, сбившийся с
Слепой и темный. Пробудись,

Льосия (за сценой)

двери.

Эй, Паулин, проснись! Зовут у

Паулин (за сценой)

Мне хорошо и здесь. Иди сама,
Тебя зовут.

Льосия (за сценой)

Кто там стучится?

Людовико

Странник.

Паулин (за сценой)

Ты странник?

Людовико

Да.

Паулин (за сценой)

любезный,

Так странствуй. Здесь,
Не постоянный двор.

Людовико

Вот мужичина!
Сейчас тебе сломаю дверь.
(Срывает дверь.)

Готово!

Льосия (за сценой)

дверь!
Эй, Паулин, проснись! Сломали

Паулин (за сценой)

проснулся,
Ну, ну! Уж на один я глаз
Вот на другой проснуться не могу.
Пойдем-ка вместе. Что-то
страшновато.

(Выходит Паулин и Льосия.)
Кто тут зовет?

Людовико

где
Молчите, мужичье,
Не то я вас убью своей рукою.
Здесь на горе я потерял дорогу,
Набрел на дом твой. Укажи мне,
Путь к гавани. Оттуда, полагаю,
Могу я с безопасностью спастись.

Паулин

взойдите,
Так вон по той тропинке вы идите,
И ежели вам встретится гора,
Вот с этой стороны, так вы
спуститесь,
Где будет поровнее, там
И уж тогда, как к гавани придете,
Пред вами, значит, прямо будет
гавань.

Людовико

Нет, лучше ты иди со мной, не то,
Свидетель Бог, окровавлю я землю.

Льосия

благородный,

Не лучше ли вам, рыцарь

У нас остаться на ночь до звезды?

Паулин

женка!

Да вы совсем расчувствовались,

пробудить?

Он чувства успел в вас

Людовико

Ну, выбирай: или иди со мною,
Иль смерть тебе!

Паулин

сердитесь.

Ах, сударь, не

смерти,

Я первое, конечно, выбираю,
И, если вам угодно, потащу вас
Хоть на плечах, - и не из страха

неприятность.

А чтоб Льюсии сделать

Людовико

миром.

Чтоб никому не мог он рассказать,
(в сторону.)

прийти.

Куда я путь направил, сошвырну я
Его с горы, когда достигнем моря.
(К Льюсии.)

Прошу, не беспокойтесь. Спите с

Супруг ваш не замедлит к вам

(Уходят: Людовико и Паулин в одну
сторону, Льюсия - в другую.)

СЦЕНА 12-я

Царь Эгеро, Лесбия, Леогарио, Капитан, потом
Филипо.

Лесбия

осмотрели,
Простыл и след их: гору
Долину, и холмы, и лес, и все,
Но нет нигде ни знака, ни намека,
Что здесь они сокрылись.

Царь

сомненья,
Нет
Что самая земля их проглотила,
Чтоб только убережь их от меня.
Им в небесах приюта не нашлось
бы,
Я их настиг бы там, клянуся
небом.

Лесбия

явился
Уж солнце простирает над горами
И над лесами пряди золотые
Разметанных волос, чтоб день
Тебе путеводителем в исканьях.
(Входит Филипо.)

Филипо

тревожных
О, Государь, я вам пришел сказать
О величайшем горе, о несчастье
Чудовищном настолько, что такого
Ни вымыслы судеб, ни время нам
Не рассказали. В поисках

показалась
В дремучий лес зашел я и провел
Всю ночь в лесу; в час утра

леса,
На небе полусонная заря,
Вся трауром покрытая, меж дымных
И черных облаков, и звезды с неба
Впервые отлучились - не жалея,
Довольные отсутствием. Идя,
То там, то сям, в дремучих чащах

Мы увидали чашечки цветов,
Обрызганные кровью, и меж ними

Обрывки разных женских одеяний.
Идя по следу, мы холма достигли,
И там, на ложе роз, как раз у
склона,
Мы мертвую Полонию нашли.

СЦЕНА 13-я

Те же. – Полония, мертвая; вскоре за этим
Патрик.

Филипо

Взгляни, и ты увидишь красоту,
Исторгнутую с корнем,
побледневший
потухший,
жило,
подвижный, –
И горестный цветок, огонь
Увидишь распростертым то, что
Как светлый сон, прекрасный и
Ты мертвую Полонию увидишь.

Царь

Молчи, Филипо, замолчи, молю,
Во мне нет сил такие пытки
встретить,
Нет мужества принять такое горе.
О, дочь моя несчастная, утрата,
Найденная в такой недобрый час!

Лесбия

От скорби я лишилася дыханья
И жалобы смолкают, не излившись.
О, пусть твоя несчастная сестра
Сопутствует тебе в твоих
несчастьях!

Царь

Какая беспощадная рука
Подъяла смертоносное оружие
На эту неземную красоту?

скорби.

Пусть жизнь моя порвется в этой

Патрик

Вострепещи, Гиберния, покайся,
Край злополучный, край
несчастный! Горе!

Коль ты слезами землю не омочишь,
И в горести рыдая дни и ночи,
Не умягчишь небесные врата,
Замкнутые твоим непослушаньем, -
Тогда дрожи, Гиберния, и бойся!
Край злополучный, край
несчастный! Горе!

Царь

О, небо, что за вопли скорби
слышу!

Что за печальный голос! Он
пронзает

Мне грудь, он проникает прямо в
сердце!

Узнайте, кто препятствует теченью
Моей печали? Кто скорбеть здесь

может

Сильней, чем я? Кто жаловаться

может?

Леогарио

То, государь, Патрик. Он, как ты
знаешь,

В Ирландию из Рима возвратился
И, получив от Папы посвященье
В ирландские епископы, и вместе
Достоинства верховные, обходит
Все острова, пророчествуя так.

Патрик

Вострепещи, Гиберния, покайся!
Край злополучный, край
несчастный! Горе!

(Входит.)

Царь

Патрик, зачем мешаешь мне в
печали,

Удваивая ныне грусть мою
Поддельностью своих воззваний

скорбных,

Отравой позлащенных слов твоих?
Зачем меня преследуешь нещадно?
Зачем мутишь мои моря и земли
Обманами и новшествами? Мы
Лишь умирать умеем и рождаться.
Единственная в этом наша

мудрость,

Наследие, полученное нами
От праотцев. И что это за Бог,
Которого ты нам благовествуешь,
Уча, что после жизни преходящей
Он вечную дает нам? Как душа,
Лишенная телесности, способна
Иметь другую жизнь и там за

гробом

Испытывать страдания и радость?

Патрик

Душа, расставшись с телом, отдает
Природе человеческое, - малость
Из праха и земли; а дух восходит
К пределам высшим, где скорбям

конец,

Коль человек скончался

примиренным;

А милость примирения ему
Дается чрез крещение сначала,
Потом чрез покаяние.

Царь

простерта

Так значит
Вот это красота, что здесь

В кровавом одеянии, теперь
Живет - не здесь?

Патрик

Да.

Царь

Дай мне

указанье,
правда.

Дай несомненный знак, что это

Патрик (в сторону)

Боже!
явным

Вступишь теперь за честь Свою, о,
Здесь надлежит Тебе представить
Могущество величья Твоего.

Царь

Безмолвствуешь?

Патрик

С соизволенья

Неба,

Она сама ответит.
(Простирает руки над телом Полонии.)
Труп недвижимый,
Во имя Бога я повелеваю
Тебе вернуться к жизни на земле
И, с прежним духом
Дать истины прямое указанье,
Благовествуй слово правой веры.

воссоединившись,

Полония (воскресая)

открылось!
десницу,

О горе! Да поможет Небо мне!
Как много тайн моей душе

Господь, Господь, сдержи свою

Орудье правосудья Твоего!
Не устремляй на сдающую молний
Карающего гнева, укроти
Порыв Твоих громов победоносных!
О, если гнев Тобою овладел,

От лика Твоего куда мне скрыться?
Да свергнутся высоты на меня:
Врагинею самой себя я ныне
Хотела бы во глубь земли

сокрыться

От взора Твоего, - но как могу,
Когда везде, куда мое несчастье
Меня ни повлечет, я повлеку
С собой вину мою? Вот, вот,

смотрите,

Не отошли ли в страхе эти горы,
Вершина их не дрогнула ли там?
Трепещет небо, с осей содвигаясь,
И, полный совершенства, свод его
С высот своих заоблачных и

грозных

Не хочет ли сорваться на меня?
Незримый, предо мной темнеет

ветер,

Замкнулся путь, моря бегут. Лишь

звери

Идут и приближаются ко мне
И растерзать хотят меня на части.
Пощады мне, о, Господи, пощады!
О, сжался, Боже, сжался надо

мною!

Молю, взыщи меня святым

крещеньем.

Пусть я умру, с Тобою

примиренной,

И пусть умру. О, смертные,

внемлите,

Внемлите: жив Христос, Христос

царит,

Христос есть Бог. Покайтесь,

покайтесь!

(Уходит.)

СЦЕНА 14-я

Те же, кроме Полонии.

Филипо

Какое чудо!

Лесбия

Что-то неземное!

Капитан

Великое!

Леогарио

И странное!

Царь

То ковы,
То чары волшебства! Ужели ныне
Я допущу их здесь?

Все

Христос есть

Бог!

Царь

Народ слепой, народ непостоянный,
Ужель обман настолько будет

силен,

Чтоб совершать такие чудеса,
А у тебя достоинства не станет,
Чтоб видимость и ложь

разоблачить!

Так я же сам желаю покориться,
Пусть ныне убедит меня Патрик,
Его победа будет достоверной.
Наш диспут начинается. Внимайте.
Когда б душа бессмертною была,
Никак нельзя б ей было оставаться
Без действия хотя одно мгновенье.

Патрик

Так. Несомненность истины

подобной

Мы видим в сне: на самом деле

сны,

Со всем обильем образов неясных,
Являются движеньями души,

несовершенны,
несогласимо.

Но так как чувства в снах
Нередко в сновиденьях видим мы
То, в чем одно с другим

Царь

мгновенье

Но если так, то в данное
Полония была мертва иль нет?
Коль не была мертва, а это только
Был обморок, так в чем же было

чудо?

Но даже я о том не говорю.
Она была мертва, пусть это верно,
Ее душа тогда необходимо
Должна была быть в небе иль в

аду,

В одном из этих двух пределов

скрытых:

Ты сам, Патрик, так учишь нас. Но

если

Она была в раю, немилосердно
Бог поступил бы, если бы вернул
Кого-нибудь из рая в мир, где

может

Вернувшийся подвергнуться опять
Опасности быть вечно осужденным
И в ад сойти, изведав радость

неба.

Правдивость утвержденья очевидна.
Когда ж душа была в аду, тогда
Нарушена простая справедливость:
Возможно ль допустить, чтоб

человек,

Достойный кары, вновь туда

вернулся,

Где может милость неба он

снискать.

А так как в Боге милость с

правосудьем

Одно и то же, где ж, Патрик,

поведай,

Была душа Полонии теперь?

Патрик

Вот мой ответ, Эгерю. Согласен,
Что местопребывание крещеной
Души всегда в аду или в раю,
Откуда по особому веленью
Ей выйти невозможно, если мы
Обычную возможность разумеем.
Когда же говорить об абсолютной,
То душу Бог извлечь из ада мог.
Но не об этом речь у нас.

Конечно,

Душа идет в одно из этих мест,
Когда она разъединится с телом
В разлуке смертной, чтоб не

возвратиться

В него уж никогда; но если ей
Вернуться суждено, она витает,
Как странница, в особом

состояньи,

И, ожидая, медлит во вселенной,
Как часть ее, хотя и не имея
В ней точно предначертанного

места.

И правду, всемогущество Господне
Предвидело - все, что должно

случиться,

От самого мгновения, когда
Из сущности своей оно исторгло
Законченное это мирозданье,
Создав его по образцу своей
Первоначальной мысли. Бог

предвидел

Тогда и этот случай, и, провидя,
Что эта просветленная душа
Должна вторично в тело

возвратиться,

Решил, что нужно быть ей в

ожиданьи,

Без места в мире, но имея место.
Так учит теология святая,
И вот тебе ответ на довод твой.
Но нечто есть еще совсем другое,
Что должен ты принять в

соображеньи:

Мест славы и возмездья в мире

больше,

благо,
примиренья,
освободиться,
мире;
небо.
проходящий,
Божества.

Чем думал ты. Узнай, себе на
Что есть еще чистилище, куда,
Скончавшись в состояньи
Душа для очищения вступает,
Чтоб от грехов своих
Соделанных при жизни, в этом
С грехами же никто не вступит в
Там, как металл, сквозь пламя
Душа с себя все пыльное свергает,
Чтоб, навсегда очищенной и ясной,
Предстать пред светлым ликом

Царь

черту,
мог я
ты
состояньи,
нибудь,
прикоснуться,
рассуждением,
Бог

Так ты мне говоришь, и у меня
Нет знака достоверней и надежней,
Чем голос твой. Дай мне намек,
Дай проблеск этой истины, чтоб
Руками прикоснуться к ней и ясно
Увидеть, что в ней скрыто. Если
Столь многого достигнуть в
С соизволенья Бога своего,
Проси Его о милости, прибегни
К Нему, чтоб дал тебе Он что-
К чему мы все могли бы
Что не было бы только
Дабы и я уверовал. И знай,
Что час один тебе дается сроку.
В течение его ты должен дать мне
Какой-нибудь нелицемерный знак,
Что ад и рай не выдумка пустая, -
Или умрешь. Пускай, пускай Твой

Придет сюда с Своими чудесами,
Чтоб мы на них не издали
взглянули.
А если не заслуживаем мы
Ни адских мук, ни райского
блаженства,
Тогда свое чистилище нам дай,
Пусть все Его могущество познаем.
Честь Бога от тебя теперь
зависит.
Скажи Ему, пусть защитит ее.
(Все уходят, кроме Патрика.)

СЦЕНА 15-я

Патрик

Теперь, о, Боже, сильный,
бесконечный,
Твой гнев, Твое возмездие и
мщение
Да ниспровергнут вражеский оплот
Невежества и суетных ошибок.
Забудь благоволение, ибо тщетно
Взираешь на врагов, как на
друзей;
И поелику ныне восхотели
Свидетельства величья Твоего,
Десницею карающей низвергни
На них молниеносный гром. В дни
оны
Тебя молило рвенье Илии
О строгости, и вера Моисея
О чудесах молилась, и хотя
Не их уста теперь к Тебе зывают
Через мои, пусть этот зов
достигнет
Небес, и днем и ночью умоляет,
О, Господи, Тебя о чудесах
И строгости, чтоб с муками и
славой,
В тенях и формах, миру
возвестились
Чистилище, и ад, и небеса.

СЦЕНА 16-я

Добрый Ангел, с одной стороны;
с другой – Злой Ангел. Патрик.

Злой Ангел (про себя)

Исполнен опасенья, чтобы Небо
Не сообщило как-нибудь святому
Патрику это чудо, это диво,
Ценнейшее сокровище земли,
Сюда пришел я, ненависти полный,
Как будто ангел света, возмутить
Его моление, влить в него отраву
И бешенство.

Добрый Ангел (к Злому Ангелу]

Не сможешь, ты

бессилен,

Жестокое чудовище; я здесь,
Как верная его защита. Больше
Ни слова. Замолчи.

(К Патрику.)

Патрик,

услышав

Твою мольбу, Всевышний пожелал
Тебе свое открыть благоволение
Такой благою вестью. Найди
На острове, лежащем здесь,

пещеру,

Возникшую на дальнем горизонте
Как впадина горы и как преграда
Для озера; кто, полный

дерзновенья,

Войдет в нее, покайся заранее
И исповедав все свои грехи,
Тот может в ней пройти, еще при

жизни,

Чистилище. Он в ней увидит ад
И муки, присуждаемые душам,
Греховностью своею заслужившим
Свирепость пытки вечного огня.
Он узрит рай и лучезарность рая.
Но я тебе свидетельствую также,
Что кто войдет туда без покаянья,
Из любопытства, с целью увидеть
Сокрытый в пещере этой тайны,

—
мученья,
гражданином
чуда,
чуда
заключенья,
там,
С собою принесет он смерть свою,
Войдет туда, чтобы терпеть
Покуда Бог есть Бог, Который ныне
Своею новой милостью желает
Тебя спасти от утомлений жизни.
И оба вы увидите себя
В возвышенности горнего предела,
Туда взойдешь, и будешь
Небесного Сиона, здесь оставив
Свидетельство прекраснейшего
Чистилище, что наречется в мире
Чистилищем Патрика. И затем,
Чтоб истинность божественного
Немедленно была подтверждена,
Вот этого назойливого зверя,
Пришедшего сюда смутить твое
Святое благочестие, я ныне
В глубокую пучину низвергаю,
В темницу, в средоточье
Чтоб, завистью своей терзаясь
Он отравился собственной отравой.
(Исчезают.)

Патрик

Да возвеличит небо лучезарность
Щедрот Твоих, о, Боже Вездесущий,
За честь Свою вступающийся чудом
Таким многозначительным.
(Зовет.)

Сюда,

Эгериио!

СЦЕНА 17-я

Капитан,
Царь, Филипо, Лесбия, Леогарио,
народ, Патрик.

Царь

Ты звал?

Патрик

Иди со мной
Вон к той горе, и все пускай тебя
Сопровождают, все они увидят
Там образы, в которых воплотились
Награды и возмездие, увидят
Подобие отсроченного чуда,
Что все растет и будет

продолжаться.

Великого, скрывающего тайну,
И дивной сокровенностью своей
Взывающего к нашему восторгу;
Увидят полосой сверкнувший свет,
Хранимый здесь, увидят ад и

славу.

(Уходит, все следуют за ним.)

Отдаленная часть горы, с отверстием
страшной пещеры.

СЦЕНА 18-я

Те же.

Царь

Остановись, Патрик, идешь туда,
Куда не проникало даже солнце;
Горы, что пред собой теперь ты

видишь,

Еще никто среди людей ни разу
Не победил. В течение столетий,
Ни человек, ни зверь не проходил

здесь,

По этим перепутанным путям.

Филипо

Живя здесь постоянно, не дерзаем
Мы тайны, здесь сокрытые, увидеть.
И доступ к той горе настолько

труден,

Что никого нет, кто бы перешел

За грань обрывов этих и за волны
Того немого озера.

Царь

Здесь только
Угрюмым предвещанием звучат
Напевы птиц ночных, могильно-
темных.

Филипо

Остановись.

Патрик

Не поддавайтесь
страху.
Хранится здесь сокровище небес.

Царь

Бояться? Страх душе моей неведом.
Ни пропасти, ни кратеры не страшны.
Хотя бы средоточие земли
Метало ужас, пламя выдыхая,
Бросало токи дыма и огня.
Я знаю, я от этого не дрогну.

СЦЕНА 19-я

Те же. - Полония.

Полония

Остановись, о, варварское племя,
Безумное, пусть дальше не идут
Шаги твои заблудшие, ты видишь
Несчастье свое лицом к лицу.
Самой себя поспешно убегая,
Проникла я в глухую чащу леса,
Что гору покрывает; высь ее,
Увенчанная мощными дубами,
Грозит закрыть лучистый облик
солнца.

В лесной глуши я схоронить хотела
Навеки преступление свое,

спокойной,
Чтоб жить отныне в пристани
Морей мирских неистовство забывши,
На лоне этой мирной глубины.
Я прибыла сюда без указаний,
Никем не провожаемая, ибо
Так неприступна гордость этих мест,
Что здесь еще ни разу не осталось
Ничьих сопровождаемых следов.
Неясный искаженный лик вершины,
Когда его увидишь, изумляет,
И страхом наполняет, изумив:
И было б тщетно с ужасом бороться,
Здесь скрыто чудо, здесь сокрылась
тайна.
Вон видишь ту скалу? Она как будто,
Повиснув в бездне, держится с
трудом,
Идут века, а ей упасть все страшно.
Она собой загородила пасть,
Раскрытую под ней: разъяв
отверстье,
Угрюмая гора под той скалою
Как будто бы зевает. Меж устами
Утесов этих двух, окружена
Печальными стволами кипарисов,
Восходит смутно горная глава,
Покрытая растительностью чахлой;
Как волосы, разметанные ветром,
На ней растет бесплодная трава,
До чьих стеблей не прикасалось
солнце;
А там в неясном сумраке, вдали,
Раскинулось открытое пространство,
Там пустота, там ужас дня, там
ночь.
Приблизиться хотела я к пещере
И поселиться в ней. Но не могу
Рассказ свой продолжать, в душе
смущенье,
Мой голос замирает, силы гаснут.
Когда б не этот страх, я вам могла
бы
Поведать о неслыханном, о страшном,
О новом, изумительном, но в сердце
Недвижный холод, голос мой застыл,
И больше нет во мне свободной воли.

Едва хотела я войти в пещеру,
Как быстрые отчаянные крики
Услышала под сводами ее,
Как будто кто-то жаловался горько
На боль, но муки были безнадежны.
И слышала я только богохульства,
Проклятия; упорно повторялись
Рассказы о жестоких преступлениях,
Таких, что небо, верно, пожелало
В темницу эту все их заключить,
Чтобы о них не слышать. Кто не

верит,

узнает,

Пусть сам войдет в пещеру, пусть

Кто отрицает, пусть приступит сам,
Сомнения исчезнут, он увидит,
Услышит и узнает о мученьях,
О ужасах и о свирепых пытках.
Что до меня, мой голос в изумленьи
И в ужасе пред этой новизной,
Слабея, заключается в молчаньи.
И не добро, чтоб люди посягали
На тайны сокровенные небес.

Патрик

тайну.

Эгеро, перед тобой пещера,
Где жизнь и смерть свою сокрыли

Но надобно сказать тебе, что сильно
Тот ошибется, кто на эту тайну
В греховном состояньи посягнет.
А кто, откинув страх и исповедав
Свои грехи, войдет в нее, увидит
Свою вину прощенной, и при жизни
Познает здесь чистилище.

Царь

же,

Так что

пещеру?

Ты думаешь, Патрик, что, вопреки
Высокому рождению, я, смутившись,
Как женщина, затрепещу от страха?
Ответьте, кто из вас войдет в

Молчишь, Филипо?

Филипо

Государь, боюсь.

Царь

Ты, капитан?

Капитан

Одно название этой
Пещеры наполняет душу страхом.

Царь

Ты, Леогарио?

Леогарио

О, государь,
Нельзя хотеть, чего не хочет небо.

Царь

О, низость! Труссы, подлые рабы!
Вы недостойны меч носить, вам нужно
Надеть скорее бабьи украшения!
Так я же сам, презренные, войду,
Разоблачу я первый эти ковы
Христианина, чары колдуна.
Смотрите на меня, мой дух

бесстрашен,

нее,

выбрасывается

Передо мной бессилен Бог его.
(Эгеро идет к пещере и, при вступлении в
проваливается с грохотом; из нее
выбрасывается
пламя и слышится множество голосов.)

Полония

О, ужас!

Леогарио

Что за диво!

чудо!

Полония

Что за

Капитан

Из самых недр земных исходит пламя!
(Уходит.)

Леогарио

Я видел, оси неба сотряслись.
(Уходит.)

Полония

То небеса свой гнев освободили.
(Уходит.)

Лесбия

Земля дрожит и ветер стонет.
(Уходит.)

Патрик

Твои враги тобой поражены.
(Уходит.)

Боже,

Филипо

безрассуден,

Кто будет столь глубоко
Чтобы вступить в чистилище Патрика!
(Уходит.)

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

Улица. - Ночь

СЦЕНА 1-я

Паулин, одетый в шутовской солдатский костюм, и Людовика, погруженный в раздумье.

Паулин

Когда-нибудь должно было случиться,
спросить
Послушай.
Только
выбор,
ты,
стран
право,
вернулись
ночью
вернулись
переменилось,

Когда-нибудь я должен был
О том, что я хочу узнать.
Я вышел из своей лачуги, помнишь,
Чтоб показать тебе дорогу к морю,
И проводил до пристани тебя.
Там ты опять мне повторил, что
Два выбора есть у меня: идти
С тобой или убитым быть тобою.
И так как ты мне предоставил
На большем я из зол остановился:
С тобою быть. Куда бы ни пошел
И я, как тень, иду. И сколько
Мы обошли! В Италии мы были,
В Испании, во Франции, потом
В Шотландии и в Англии, ну,
Такой далекой нет земли, чтоб ты
Не устремился к ней. И после этих
Бесчисленных скитаний мы
В Ирландию. Я, Паулин, - увидя,
Что бороду себе ты отрастил,
И волосы, и изменил свой голос, -
К тебе взываю: что за основание,
Чтобы такой затеять маскарад?
Весь день сидишь в гостинице, а
Пускаешься на тысячу проделок
И безрассудств, забыв, что мы
В страну, где все теперь

прежде .
И ничего нет так, как было
Эгеро погиб, ему на троне
Преемницею Лесбия осталась.
Полония...

Людовико

смертельно
Не говори о ней,
Не убивай меня, не рань

прибегнуть .
Упоминая имя ее,
Рассказом о событии, что может
Меня заставить к крайностям

Я знаю, умерла она.

Паулин

Мне это
В гостинице рассказывал хозяин.
Он рассказал мне также, как ее
Убитою нашли, и как...

Людовико

Молчи.
Я не хочу об этой смерти слышать,
Я не хочу оплакивать ее.

Паулин

том,
Он мне сказал еще, что вся страна
Оставила язычество, и всюду
Теперь здесь христианство. Дело в
Что некто, называемый Патриком,
Теперь уже умерший...

Людовико

умер?
Как? он

Паулин

Так мне сказал хозяин.

Людовико (в сторону)

Плохо ж я
Исполнил обещанье.
(К Паулину.)
Продолжай.

Паулин

Он возвестил им свет Христовой
веры,
И чтоб они уверовали в вечность
Души, открыл им некую пещеру,
страшно!
И что за ужас в ней, - послушать

Людовико

Я знаю. Слышал. При одном
рассказе
Душой такой овладевает ужас,
Что волосы встают внезапно дыбом.
Там ежедневно видят чудеса.

Паулин

Но ты ни с кем не видишься, ты
вечно
Сидишь теперь средь ужасов и
страхов
Наедине с тоской своей, И значит
Не мог ты видеть этого и слышать.
Не в том, однако, дело. Разреши,
мне,
Прошу, мои сомненья, расскажи
Зачем мы здесь.

Людовико

Отвечу по

порядку.
Когда тебя я из дому увел,
Намереньем моим сокрытым было
Убить тебя и труп оставить в
поле.
Но я решил, что будет лучше, если

ты был
кем
становился
разу
недостатка.
здесь,
оскорбление.
скрываясь,
стране,
сравнится.
сегодня.
знаешь,
плащ,
неизвестный,
сделать.

Возьму тебя с собой, чтобы впредь
Товарищем моим и верным другом,
Чтоб мог того избежать я, чего
Боялся: до того дойти, что не с
Мне будет говорить. И, наконец,
Отправившись со мной, ты
Моим сподручным. Помнишь, Паулин,
Мы были в разных землях, и ни
Не чувствовал ни в чем ты
В ответ на твой вопрос, зачем мы
Узнай, что я хочу убить злодея,
Что некогда нанес мне
И потому, так тщательно
Я изменил одежду и наружность.
И умертвить его хочу я ночью,
Ввиду того, что здесь, во всей
В могуществе никто с ним не
Теперь, тебе свою доверив тайну,
Я расскажу, зачем мы здесь
Три дня тому назад, переодетый,
Я прибыл в этот город, как ты
И вот две ночи, как закутан в
Искал врага на улице и в доме,
Где он живет, но дважды,
Закутанный до самых глаз плащом,
Приблизясь, помешал мне это
Меня он подзывает, но едва
Я подхожу, он тотчас исчезает
С такой непостижимой быстротой,
Как будто бы его уносит ветер.
Я взял тебя нарочно с тою целью,

ускользнуть,

узнаем,

сторон?

смерти

как

ПОТОМ

Чтоб он не мог сегодня

Когда захочет вновь сюда явиться.
Стеснивши с двух сторон его,

С кем мы имеем дело.

Паулин

С двух

Людовико

Ну, да, нас двое.

Паулин

Я никто.

Людовико

Никто?

Паулин

Совсем никто, и даже неспособен
Сойти за половину, если правда –
Все, чем меня сейчас ты напугал.
Я с господами призраками? Нет,
Благодарю покорно. Я с почтенным
Чистилищем? О, нет, я никогда
Не путался в дела другого мира.
На это есть достаточно причин.
Пусть тысяча людей меня захочет
Убить, – я убегу от всей толпы, –
От одного бежать сумею даже:
И, правда, не безумие ли это,
Не глупость ли, достойная людей
Свихнувшихся, – желать своей же

Из нежеланья тягу дать, меж тем

Так мало это стоит. Жизнь свою
Ценю я очень. Лучше, если можно,
Позволь, я здесь останусь, а

За мной вернись.

Людовико

Вот дом его.

Сегодня

Хочу убить Филипо. Посмотрю я,
Угодно ль будет небу дать ему
Защиту, - защитит ли. Здесь

постой.

СЦЕНА 2-я

Неизвестный, закутанный в плащ. -
Людовико, Паулин.

Паулин

Стоять не стоит. Вон идет там

кто-то.

Людовико

Какое счастье, если мне удастся
Отмстить обоим сразу. Прежде чем
Убить Филипо, с этим рассчитаюсь.
Один. Да, это он. Я узнаю
Его походку, может быть, вернее,
Я потому узнал его, что в нем
Есть что-то, что страшит меня,

что в душу

Внедряет изумленье.

Неизвестный

Людовико!

Людовико

Уже вторая ночь, как я вас,

рыцарь,

Встречаю здесь. Зачем, зовя меня,
Вы в бегство обращаетесь, - желая
Меня увидеть, для чего же вы
Так быстро исчезаете?

Неизвестный

Идите
За мной, и вы узнаете, кто я!

Людовико

здесь,
другого.
Есть кое-что, чем я удержан
Я должен, вас убив, убить

(Обнажает шпагу.)

Хотите ль вынуть шпагу или нет,
Мои две мести так осуществлю я.

(Ударяет шпагой;

удары приходится в воздух.)

Но что это! я ударяю воздух.

Отрежь ему дорогу, Паулин.

Паулин

Я резать не умею.

Людовико

Так за вами
Пойду, не уклоняясь ни на шаг,
И я узнаю, кто вы?

(В сторону.)

Но напрасно
Его хочу убить я. Видит Бог, -
Как молния, лишь ранит воздух

шпага,

Его же я не в силах поразить,
К нему мне невозможно

прикоснуться.

(Идет за ним, продолжая ударять его
шпагой, но не будучи в силах
прикоснуться к нему.)

СЦЕНА 3-я

Филипо. - Паулин.

Паулин

Прошу покорно! Чуть один ушел,
(В сторону.)

право,
кругом
меж тем

Другой идет; подумать можно,
Что я святой Антоний {1}, - все
Виденья, привиденья. Давай-ка,
Я спрячусь здесь у двери, - он
Пройдет.

Филипо

счастливым,
скал.
сказавши,
любовью,

О, дерзновенная любовь!
Ты делаешь меня - в любви
Даруя мне властительное царство.
Полония в пустыню удалилась
И там живет одна среди утесов,
Гражданкой гор, островитянкой
От царства отреклась она,
Чтоб Лесбии престол принадлежал.
И я, не так взволнованный
Как тайною корыстью, ей служу,
Величество отныне обожаю.
Я подхожу к окну ее и слышу
Бесчисленные нежные слова.
Но что это? Как раз у двери дома
Я ночью натываюсь каждый раз
На незнакомца. Кто бы это был?

Паулин

прочим,
привидений?

Идет ко мне. Но что же, между
Влечет ко мне всех этих

(В сторону.)

Филипо

Скажите, рыцарь...

Паулин

Я не отвечаю

На данный возглас. Это не ко мне.

Филипо

Здесь дом мой.

Паулин

будет вашим,

Ваш? Пускай и

Владейте им столетья, и да будет
Он навсегда свободен от постоя.

Филипо

остаться, -

Раз вам необходимо здесь

вас,

В чем воля ваша полная, - прошу

Посторонитесь, дайте мне пройти.

Паулин (в сторону)

Он говорит учтиво и с опаской.
Как кажется, и меж ночных теней
Порою можно видеть мокрых куриц.
Здесь дело у меня, или, вернее,
(К Филипо.)

можно.

Мне дела нет. Посторониться

Несправедливо было бы мешать
Тому, кто спать идет.

Филипо

Располагайтесь.

(В сторону.)

бродят.

И храбрые же призраки здесь

вгляжусь,

Когда домой я ночью возвращаюсь,
Какой-то человек ко мне подходит,
Но чуть в него внимательно

Как раз он на пороге пропадает.
А, впрочем, что мне в том?

(Уходит.)

(Паулин обнажает шпагу и размахивает
ею в воздухе.)

Паулин

Ушел.

Теперь

призрак,

силах.

рыцарь,

Богу:

опять

Необходимо вот что! Хладный

Остановись, не уходи, скажи,
Ты женского или мужского рода!
Нет, видит Бог, убить его не в

Я шпагою лишь разрезаю воздух.
Но если он и есть тот самый

Которого мы ожидаем здесь,
Счастливый же он человек, ей-

Он спать к себе пошел. Вот - вот

Я слышу голоса и звук оружия.
Оттуда шум, бегу, но не туда.
(Уходит в противоположную сторону.)

Другая улица.

СЦЕНА 4-я

Неизвестный, закутанный в плащ. -

Людовико.

Людовико

свободно,

кто вы?

демон?

Здесь улица другая; если прежде
Мешало поединку что-нибудь,
Здесь можно встать лицом к лицу

И так как вас ударить не могу я
Своею шпагой, я хочу узнать,
Кто вы. Ответьте мне сейчас же,

Вы человек, иль призрак, или

Молчание? Так я же с вас сорву
Ваш плащ, узнаю...

(Срывает с него плащ и видит скелет.)

Боже, что я

вижу?

О, ужас, о, чудовищность, кто ты?
Застывший труп {2}, живущий прах

и дым?

Неизвестный

Не узнаешь? Я точный образ твой.
Я Людовико Энио.

(Исчезает.)

Людовико

О, Боже!

Что вижу я, что слышу я,

Создатель!

Коснулся до несчастий и теней.

О, смерть моя.

(Падает.)

СЦЕНА 5-я

Паулин. - Людовика.

Паулин

Я слышал громкий

возглас.

То голос господина моего.

Я вовремя явился. Господин мой!

Людовико

Чудовище, зачем ты вновь

приходишь?

Ты видишь, звуком слов твоих

сраженный,

Я побежден.

Паулин (в сторону)

Эге, он помешался.

(К Людовико.)

Какое я чудовище? Я просто

Слуга твой, Паулин, глупец тот
самый,
зачем.

Людовико

А, Паулин, со мной случилось что-
то,
когда я
видел
Ужасного сухого мертвеца,
Умершего, - с душой человека, -
Не человека, только грубый остов,
Его костям отказано в одежде
Из плоти, руки холодны, недвижны,
Его нагое тело безобразно,
В глазных глубоких впадинах нет
глаз.

Куда исчез он?

Паулин

Если бы его
И видел я, о том сказать не мог
бы:
мертвый,
Я в тот же миг упал бы наземь
Мертвей, чем он.

Людовико

Смерть овладела
мною.
занялся,
Смерть овладела всем. Дух
Немееет голос, грудь моя застыла,
В моих ногах я чувствую свинец.
Я видел, как два полюса всей
мощью
Нависли надо мной, как на плечах
Я должен был поддерживать их
тяжесть.
И мнится, что из каждого цветка

камень,
прахе.
средоточьи.
самый,
справедливым
Богом,
преступленья,
рождаюсь в мире,
—

Вздывается, глядит подводный
Из каждой розы смотрит исполин,
Разорвана земли глухая впалость,
Из чрева хочет выбросить она
Всех мертвецов, хранимых ей во
Я видел между ними Людовико.
О, небо милосердное, сокрой
Меня от самого меня, дозвожь мне
Исчезнуть в самом дальнем
Пусть я себя не вижу, ибо сам
Себя не знаю я! Но нет, я знаю
Я знаю, это я был тем безумным
Чудовищем надменности, что даже
На Бога посягнул; да, я — тот
Я совершил так много темных дел,
Что, если б Бог ко мне был
И мне назначил пытки адских мук,
Чтоб я страдал, пока он будет
Я в малое вменил бы эту казнь.
Но также знаю я, что
Соделанные мною против Бога,
Свершил я против Светлого Творца,
Такого милосердного, такого
Великого, что я могу снискать
Прощенье, если в муке покаянья
Я выплачу грехи мои. Я полон
Раскаянья, о Боже, и чтоб ныне
Представить доказательство того,
Что, став другим, я вновь
Себя в Твою десницу предаю.
Суди меня судом не правосудным,
Суди по милосердью Своему.
Воззри и укажи мне, о Творец мой,
Какую в покаенье взять мне кару,
Я покорюсь. Что будет воздаяньем
За жизнь мою?

Музыка (за сценой). Чистилище.

Людовико

О Боже,
Что слышу? Эти звуки так певучи,
Они мне представляются лучом,
В них свет небес, таинственно
блеснувший
Для грешника любовью сострадания.
В них узнаю внушение Господне,
Хочу вступить в чистилище
Патрика,
И набожный, смиренный и покорный,
Сдержу я слово, данное ему,
Его увижу, если только будет
Даровано такое счастье мне.
О, пусть мое решение сурово,
И страшно, потому что выше сил
Противиться всем ужасам и пыткам,
Что демоны грехам уготовляют, -
Соделанные мною преступленья
Настолько ж были страшны и
суровы.
Врачи, леча опасную болезнь,
Всегда к опасным средствам
прибегают.
Пооди и ты со мною, Паулин:
Увидишь ты, как в горести я
наземь
Повергнусь пред епископом, как я,
Чтобы сильнее был великий ужас,
Все, все грехи открою в громких
воплях.

Паулин

Ну, нет, уж если так, ступай
один,
Для храбрецов не нужен
провожатый,
И никогда не слышал я, чтоб в ад
С лакеем уходили. Лучше снова
Отправляюсь я в родимую деревню
И буду жить в ней мирно, а насчет
Видений там и всяких привидений,
Так мне супруги хватит за глаза.
(Уходит.)

Людовико

Открыто я творил мои грехи,
И пусть открытым будет покаянье.
Пойду как исступленный,

громогласно

Крича о преступлениях моих.
О, люди, звери, горы, сферы неба,
Толпа утесов, нежные растенья,
Сухие вязы, - все вострепещите,
Я Людовико Энио, - дрожите
При имени моем, отныне я -
Чудовище смирения, - я, бывший
Чудовищем надменности. Я верю,
Надеюсь, что увидите меня
Вы более счастливым, если только
Патрик во имя любящего Бога
Поможет мне в чистилище своем.
(Уходит.)

Лес, в средоточии которого виднеется

гора;

с нее спускается Полония.

СЦЕНА 6-я

Полония

О, Боже, мне хотелось бы, чтоб в

этом

Пустынном одиночестве мой разум
С Тобою слил все помыслы мои,
И, радуясь быть щедрой пред

Тобою,

Хотела б я, о, Господи, чтоб

каждый

Из помыслов моих душою был.
Я для тебя хотела бы оставить
Не царство незаметное, а страны
Великие, над пышностью которых
Проходит в блеске царственное

солнце,

Идя по многочисленным кругам.
Вот этот домик, скудный и

смиранный,

Глухое порожденье этих скал,
Есть для меня как бы восьмое
чудо,
Превосходя своим пространством
тесным
Величие дворца с его сияньем.
О, лучше видеть первый проблеск
дня,
Когда заря в объятиях рассвета
Роняет, плача, капли жемчугов,
И солнце, выплывая, гасит звезды:
О, лучше видеть ночь, когда она,
С высот спускаясь в яркой
колеснице,
Нисходит к морю, в волны
погружаясь,
Что плещут вокруг Испании; о,
лучше
И днем и ночью в гимнах и
молитвах
Тебе слагать Немолчные хвалы,
Чем видеть блеск надменности, со
свитой
Безумного тщеславия, меж тем как
жизнь (Что может быть ужасней?) эта
преходящих.
Есть только тень мерцаний

СЦЕНА 7-я

Людовико. - Полония.

Людовико (в сторону)

Мой дух исполнен твердости и
силы,
Он мне велит пещеру отыскать,
Где я найду, как Небо мне
сказало,
Желанное спасение, пройдя
При жизни в ней чистилище.
(К Полонии.)

Ответь

мне,
О, неземная, - чье жилище здесь,

соседству
сказать,
Патрика?

Пред этим горизонтом, по
С вершиной гор, - ты можешь ли
Где путь идет к чистилищу

Полония

возжелавший
сравнимых,
я.

Счастливый странник, ныне
Сокровища божественных святынь,
Ни с чем в своем богатстве не
Тот путь я указать тебе могу,
Здесь для того лишь только и живу
Ты видишь гору?

Людовико

Вижу -
(в сторону)

мою.

смерть

Полония (в сторону)

Душа, что ты увидела? О, горе!

Людовико (в сторону)

Она ли это, нет, не верю.

Полония (в сторону)

Он ли?

Не в силах допустить.

Людовико (в сторону)

Полония.

Полония (в сторону)

То Людовико.

Людовико (в сторону)

Это был обман,
Чтоб отвратить меня от правой

мысли.

(К Полонии.)

Так продолжай.

Полония (в сторону)

То общий враг

людей

Хотел меня смутить обманной

тенью.

Людовико

Что ж ты не продолжаешь?

Полония

Продолжаю.

В горе сокрыто чудо, там, внутри,
Но, по земле идя, никто не может
Достигнуть средоточия ее.

По водному пути его достигни,
По озеру ты можешь плыть в ладье.

(В сторону.)

И мстить хочу и жалость мне

мешает.

Людовико (в сторону)

Передо мною новое блаженство,
Ее внимаю голос, на нее
Гляжу.

Полония (в сторону)

Веду борьбу сама с собою.

Людовико

Что ж ты не продолжаешь?

Полония

Продолжаю.

Со всех сторон гора окружена
Тем озером глубоким. Но спокойно
Достигнешь ты обители священной,
Что посредине острова стоит.
Там иноки живут, их попеченью
Доверена забота – неусыпно
Беседовать со всяким, кто захочет
При жизни пострадать, – молиться

с ним,

Давать ему особые советы,
Узнать его грехи и заставлять
Пройти сквозь целый ряд

предупреждений,

Сквозь многие обряды.

(В сторону.)

Пусть же

этот

Свирепый враг не льстит себя

надеждой,

Что сможет победить меня.

Людовико (в сторону)

Так

пусть же

Надежда не отчаётся моя!
Тягчайший грех свой вижу пред

собой,

И манит он меня и завлекает,
Чтоб о вину споткнулся я, –

напрасно:

В борьбе с собой себя я покорю.

Полония (в сторону)

столкнулась!

С каким врагом опасным я

Людовико

Что ж ты не продолжаешь?

Полония

Продолжаю.

Людовико

Но сократи рассказ свой, потому
что
Душа мне говорит, что должен я
Скорей уйти.

Полония

И для меня так важно,
Чтоб ты скорей ушел.

Людовико

Так отвечай
мне,
сокровенный?
О, женщина, где путь мой

Полония

Никто в сопровождении другого
Отсюда не уходит. Потому
По льдистой сфере озера ты должен
Пройти в ладье, владыкой
полновластным
ладью,
только,
ясной
Своих свободных действий. Сядь в
Она вон там, доверься Богу
И быстро путь направь по этой
Поверхности кристальной глубины.

Людовико

Да, в этом жизнь моя! Итак,
доверюсь
Ладье. О, что за ужас возникает
В моей душе! Ладья как будто
гроб.
И я один отправлюсь в путь по
снежной
Поверхности.

(Входит в лодку.)

Полония

возвращайся,
веры.

Смотри, не
Стремись вперед и будь исполнен

Людовико (за сценой)

тронул.

Полония, я победил тебя.
Я победил. Твой вид меня не

Полония

Я победила в этом Вавилоне
Смятение и гнев.

Людовико (за сценой)

ложный,

Твой призрак

С правдивостью заемною его,
Меня не покорил, хоть предо мною
Ты видимую форму приняла,
Чтоб я оставил цель свою, утратив
Надежду.

Полония

богатый!

Ложно страх тебе сказал,
О, бедный духом, страхами

тень,

Нет, Людовико, пред тобой не

А та, кого убил ты; здесь живу я
Счастливее, чем там, где я была,
Счастливая в печальном состоянии,

Людовико (за сценой)

свой,

О, если так, душа да скажет грех

Да тяготит над ней ее вина!
Прости мне все грехи мои.

Полония

Прощаю.
Твое стремленье сердцем одобряю.

Людовико (за сценой)

Несу с собою веру.

Полония

Лишь она
Тебя освободит.

Людовико (за сценой)

Господь с тобою.

Полония

Прощай,
Господь с тобою.

Людовико (за сценой).

Да смягчит
Свою суровость Он.

Полония

И да исторгнет
Тебя из этих ужасов победно.
(Уходит.)

Вход в монастырь; в глубине пещера
Патрика.

СЦЕНА 8-я

Два инок; потом Людовико.

Инок 1-й

Хоть ветра нет, а волны
поднялись.

направляет

Должно быть, ныне странник
Путь к острову.

Инок 2-й

взглянем,
решился

Пойдем на берег,
Кто сердцем так бесстрашен, что
В жилище наше темное прийти.
(Входит Людовика.)

Людовико

гробнице
красиво!
весна
пышных,

Ладью волнам я вверил, или гроб,
Сказать вернее. Кто в своей
Переплывал через огонь и снег?
Кто, как не я? О, как здесь все
Как будто бы на праздник свой
Созвала целый рой цветов, - и
И скромных по незнатности своей.
А как печальна та гора, другая!
Они настолько меж собой различны,
Что их контраст взаимный - между
Усиливает дружбу. Там поют
Печальные, неведомые птицы,
Внушая страх тоскою горьких
Здесь радостные птички навевают
Своим веселым пением любовь;
Там с темных скал срываются
И с ужасом грохочут и кипят;
Здесь тихие ручьи скользят, и
Повторено в зеркальности их вод.
В середине, меж чудовищностью этой
И этой красотой чело свое
Вздыхает зданье, полное величья,
Внушая мне смущенье и любовь.

ними
жалоб,
потоки
солнце

Инок 1-й

Счастливым странник, ныне полный
света
Решимости, приди в мои объятия.

Людовико

Скорее здесь, во праже, я
пребуду,
У ног твоих. Вот так. Прошу тебя,
Скажи, как настоятеля увидеть?

Инок 1-й

Он, недостойный, здесь перед
тобою,
Скажи мне, в чем твое недоуменье.

Людовико

Боюсь, отче, вымолвить, кто я.
Боюсь, что в страхе прочь бежишь,
услышав

Мое везде ославленное имя.
О, столь дела чудовищны мои,
Что даже солнце траурною тканью
Скрывает лик, чтоб только их не
видеть.

Я мрачное вместилище грехов,
Я бездна, свиток, полный

Я мрак, я величайший грешник в
мире;

И, чтобы все сказать тебе в
одном,

(И здесь меня дыханье покидает),
Я Людовико Энио. Пришел,
Чтобы вступить в пещеру. Если

есть в ней
искупленье,

покаянью.

Для стольких прегрешений
В ней дух мой да предастся
Уж отпущенье я себе снискал,
Епископу Гибернии поведал
Грехи; мое намеренье узнав,

Меня он, полный кротости, утешил
И благосклонно дал к тебе

посланье .

(Отдает письмо.)

Инок 1-й

Решение такое, Людовико,
Нельзя принять в один короткий

день .

Необходимо все это обдумать,
Побудь у нас здесь гостем; а

потом

Дня через два пространно все

обсудим .

Людовико

Нет, отче, нет! Не встану от

земли,

Пока мне не даруешь разрешение.

Благоволенье Божие меня

Направило сюда, внушенье свыше,

Не суетность, не гордость, не

желанье

Распутать то, что тайной сделал

Бог .

Не истолкуй моей мольбы превратно

-

В ней высшее призвание мое.

Отец мой, милосердия, пощады!

Будь благосклонен к горести моей,

Дай облегченье скорби, утешенье

Моей тоске жестокой.

Инок 1-й

Во вниманье

Того не принимаешь, Людовико,

Что многого ты просишь. Питки ада

Перед тобой, ты должен их пройти.

Чтоб претерпеть их, мужества не

станет .

И многие вошли, о, Людовико,

Туда, но мало кто оттуда вышел.

Людовико

Не устроят меня угрозы эти.
Я говорю: меня грехи пугают,
Я от грехов очиститься хочу,
Число их превзошло пылинки

солнца,

Песок морей. На Бога полагаю
Всю веру, светлым именем Его
Ад побежден.

Инок 1-й

Увидев это рвенье,
Готов тебе я дверь открыть теперь

же.

Вот, Людовико!

(Открывает вход в пещеру.)

Людовико

Господи помилуй!

Инок 1-й

Уже поколебался?

Людовико

Нет, но ужас
На миг невольно сердцем овладел.

Инок 1-й

Тебя вторично я предупреждаю,
Коль у тебя причины нет великой,
Коль только ты не думаешь

достигнуть

Прощенья прегрешениям своим,
В пещеру не входи.

Людовико

Вот, я уж в

ней,

Услышьте громкий голос мой

отсюда,

О, люди, звери, горы, небеса,

солнце, месяц,

О, день и ночь, о, звезды,

Тысячекратно слово я даю,
Тысячекратно здесь я подтверждаю,
Что пытки претерпеть я жажду, ибо
Так грешен я, что это покаянье -
Ничто для искупления грехов,
Иду, чтоб здесь найти мое

спасенье.

Инок 1-й

душе

Коль так, иди, и пусть в твоей

И на твоих устах пребудет имя
Христа.

Людовико

верой

Да не оставит Он меня.
Господь, Господь! Вооруженный

В Тебя, в открытой битве нахожусь
С моим врагом; Твое святое имя
Да ниспошлет победу мне над ним;
Тысячекратно знаменье креста
Я сотворяю. Господи помилуй!

(Входит в пещеру; вход за ним

запирают.)

Инок 1-й

никто

Из всех, кто ни вступал сюда,

сердцем.

Не обладал таким бесстрашным

сил,

О, дай ему, Христос, настолько

верить!

Чтоб искушенья демонов распались,
О, дай ему, в Тебя, Владыко,

(Уходят.)

СЦЕНА 9-я

Полония.

Лесбия, Филипо, Леогарио, Капитан,

Лесбия

Нет, прежде чем туда пойти, куда
Зовут твои нас доводы, мы скажем,
Зачем сюда пришли; мы все хотели
Увидеться с тобой: одно решенье
Мы приняли.

Полония

Идемте; по дороге
Расскажете мне все. Я вас веду,
Чтоб удивились высшему вы чуду,
Какое только видел взор людской.

Лесбия

А мы тебе, Полония, хотели
Сказать одно. Ты пожелала здесь
Жить между гор и сделала меня
Пожизненной наследницею царства;
И я тебе хотела сообщить
Намеренье мое. Твоя пусть воля
Моею будет, жажду повелений,
А не советов. Женщина не может
Решений принимать, а потому
Ей нужно выйти замуж.

Полония

Справедливо
Ты говоришь, и если твой жених
Филипо, я сердечно одобряю.
Моя любовь тебя во всем обяжет,
Тебе даю я вместе с царством

мужа.

Филипо

Да будешь жить ты целые века,
Все новые и новые, как солнце,
Что каждый день встречает смерть

и снова

Рождается, или как светлый

феникс,

Что восстает из своего костра.

Полония

Теперь желанье ваше совершилось,
Так слушайте ж внимательно меня,
Хочу сказать, зачем сюда веду
вас.

Известный,
пришел,
Объятый крайним рвением, он

Чтоб отыскать чистилище Патрика
И претерпеть в нем пытки; в ту
пещеру

Вступив, сегодня выйти должен он.
И чтобы с вашим страхом изумленье
Сравнялось, я сюда вас привела,
Да узрите святое это чудо.
Я раньше не сказала вам об этом,
Дабы испуг помехой не явился,
Вот почему вы здесь со мной
теперь.

Лесбия

Сестра, ты справедливо поступила.
Я рада, хоть и страшно мне.

Филипо

Мы
все
Хотим узнать, как много в этом
правды.

Полония

Ему, быть может, смелость
изменила,
Тогда не выйдет он из тех глубин,
И в этом мы его увидим кару;
А если из пещеры выйдет он,
Мы от него узнаем сокровенность,
Что скрыта здесь, - когда

благополучно
испугом,
Выходит тот, кто так объят

Что говорить не может, убегая
От всех людей, в пустынные места,
Чтоб быть наедине с самим собою.

Леогарио

Великие неведомые тайны!

Капитан

Мы вовремя приходим. Вон,
смотрите,
слезах,
пещеру.
Отшельники, безмолвствуя, в
Идут открыть угрюмый вход в

СЦЕНА 10-я

Иноки приближаются ко входу, ведущему
в пещеру, и открывают его; из нее

выходит

Людовико, объятый изумлением. - Те же.

Инок 1-й

О, Господи, открой врата свои
Для наших слез и воплей. Этот
грешник
Да победит жестокие темницы,
Где нет виденья лика Твоего.

Полония

Открыли!

Инок 1-й

О, какое утешенье!

Филипо

Смотрите, Людовико!

Людовико

О, Всевышний,

Возможно ли, прошли века; и вновь
Я на земле и вижу свет небесный!

Капитан

Как он смущен!

Леогарио

взволнован!

Как страшно он

Инок 1-й

Приди в объятья к каждому из нас!

Людовико

видя,

От сердца обниму вас всех. И

Полония, тебя, я стану думать,
Что лишь по милосердью твоему
Моим грехам даровано прощенье.
И ты, Филипо, знай, что я хотел
Тебя убить, подстерегал две ночи,
Но ангел спас тебя от верной

смерти.

Прости мою вину. И умоляю,
Дозвольте мне теперь уйти отсюда,
Бежать от самого себя со страхом,
Сократься в средоточие земли:
Хочу навек от мира удалиться, -
Кто видел то, что видел я, тот

должен

Дожить остаток жизни в покаяньи.

Инок 1-й

Итак, во имя Бога, Людовико,
Велю тебе, чтоб ты нам рассказал,
Что видел.

Людовико

страхе

Не противлюся такому
Святому повеленью, и чтоб в

человек
рассказ.
предупреждений,
исполнен
предал,
страшались,
оставался
мгновений.

Проснулся мир, чтоб не жил
Умершим во грехе, и отозвался
На зов мой, - начинаю свой
Пройдя сквозь целый ряд
Торжественных и требуемых в деле
Такой глубокой важности, -
И мужества и стойких упований,
Простился я со всеми, чтоб войти
В пещеру. Дух мой Господу я
И в сердце многократно повторяя
Святые сокровенные слова,
Которых духи тьмы в аду
Вступил я на порог и, ожидая,
Чтоб вход замкнули, так и
Один, недвижно, несколько
Замкнули, наконец, его, и я
Во мраке ночи темной очутился,
И так глаза о свете заскорбели,
Что я закрыл их: вечно так бывает
С тем, кто во мраке хочет видеть:

я
я,
натолкнулся
светом,
светает.

Пошел вперед с закрытыми глазами,
Пока не прикоснулся до стены,
Что находилась прямо предо мною.
Не больше двадцати шагов прошел
Идя вдоль той стены, как
На темную скалу и там заметил,
Что в узкую расселину ее
Проходит свет, который не был
Как то бывает в час, когда заря
Едва-едва займется на востоке, -
И думает в сомненьи полумрак,
Света там вдали, иль не
Я повернул налево, осторожно
Ступая по тропинке, и когда

Достиг ее конца, вдруг подо мною
Земля заколебалась, и как будто
Готовый провалиться, зашатавшись,
Я потерял сознание, но тут
Ужасный гром загрохотал во мраке
И пробудил меня от забытья.
Земля передо мной разверзлась,
мне
недра,
ума.
двери,
двенадцать,
старший,
поддашься
сказал мне:
безумец,
Почудилось, что я низринут в
До центра глубины, и глыбы праха,
И камни, полетевшие за мною, -
Моей могилой были. Я упал
И очутился в яшмовом чертоге,
Что создан был умелыми руками,
С искусством, полным знанья и
Раскрылись тотчас бронзовые
И подошли ко мне, числом
Какие-то неведомые люди,
Все в белое одетые, - меня
Приветствуя смиренно и учтиво.
Один из них, по-видимому,
Сказал мне: "Упование свое
На Бога положи, и помни это,
Не падай духом, демонов увидя,
Хотя б они и мучили тебя;
И знай, что если только ты
Угрозам их иль обещаньям лживым,
Ты навсегда останешься в аду".
Казалось мне, что ангелов я вижу,
А не людей; меня их увещанья
Ободрили настолько, что как будто
Вторично пробудился я! И вот
Вся комната огромная внезапно
Заполнилась видениями ада
И духами мятежными, такими
Ужасными на вид, что их ни с чем
Сравнить нельзя. Один из них
"Глупец, неосмотрительный
До времени возжаждавший изведать

Возмездие, что ждет тебя, узнать
Заслуженные пытки; если так
Твои грехи велики, что ты должен
Быть осужден, - и, правда, нет

тебе

Пред Богом милосердия! - зачем ты
Пришел за осуждением твоим?
Вернись, вернись на землю, чтоб

исчерпать

Всю жизнь свою, и, как ты жил,

умри.

Тогда приди взглянуть на нас, мы

будем

Все в сборе, ад тебе готовит

место,

Что вечно сохранится за тобой".
Ему в ответ не молвил я ни слова.
И вот, схватив меня и осыпая
Свирепыми ударами, они
Связали руки мне, связали ноги,
И стали жечь меня, и стали ранить
Стальными остриями, волоча
По спутанным и темным переходам;
Зажгли костер и бросили в огонь.
"Спаси меня, Христос!" - воззвал

я с верой, -

Бежали злые демоны, огонь
Утих, погас, и вмиг его не стало.
И тотчас увлекли меня к равнине,
Где вместо роз, взамен гвоздики

алой,

Взрастила терны черная земля,
Росли волчцы. И ветер, пролетая,
Пронизывал насквозь, - в

сравненьи с ним

Казалась вздохом - режущая шпага.
Во впадинах чудовищных пещер
Стонали осужденные угрюмо,
Отцов и дедов громко проклиная.
И столько было муки в голосах,
Произносивших нагло богохульства,
И столько там отчаяния было,
Когда тысячекратно повторялись
Проклятия и вопли без конца,
Что, им внимая, демоны дрожали.
Пройдя, я очутился на лугу,

это

Цветы там были пламенем, - как

Бывает в знойном августе, когда
В полях поспеет жатва. И равнина
Была так велика, что глаз нигде
Не находил конца; там возлежали
Толпы людей на ложах из огня;
Один лежал, подвижными пронзенный
Гвоздями раскаленными; другой
Был крепко пригвожден к земле;

иные

Лежали, а ехидны из огня
Их внутренности рвали; тот грызет
Зубами землю, бешенством объятый;
Иной готов изгрызть себя в куски,
Чтоб сразу умереть, - и оживает,
Чтоб умирать еще, еще, и снова.
Туда я брошен был рабами смерти,
Но ярость их смирилась и пропала,
Как дым, пред кротким именем

Христа.

Пройдя вперед, я новое увидел:
От страшных пыток раненых лечили,
Прикладывая к ранам их свинец
Расплавленный, с пылающей

камедью,

Иное прижигательное средство.
О, кто тут в сокрушение не

придет!

О, кто не воздохнет, не

возрыдает!

О, кто не вострепещет,

усомнившись!

И вот вокруг одного из этих зданий
Сквозь двери и дымящиеся стены
Прорвались ярко полосы огня;
Как будто дом внезапно загорелся,
И пламя выходило, где могло.
"Вот, - мне сказали, - дом

увеселений,

Купальный замок женщин тех, что в

жизни,

Желаниям бесстыдным повинуюсь,
Всем сердцем возлюбили ароматы,
Прикрасы, умощенья и купанья".
Вошел я внутрь и увидал в пруду
Из снега - женщин редкой красоты.

дрожали
были
сирены;
льдистых вод;

души,
скрыться,
раскаленным
отторгнув,

собой,
мною,

Их множество там было, все
В воде, среди ужей и змей, что
Для этих волн - как рыбы и
Замерзшие их члены были видны
В кристальности прозрачной

Стояли дыбом волосы и были
Оскалены их зубы. Вышел я,
И тотчас увлекли меня на гору,
Высокую такую, что она
Своим челом, пройти желая небо,
Когда не порвала, то отогнула
Покров небес лазурный. Посредине
Вершины той находится вулкан,
Он дышит и выбрасывает пламя,
Огонь кидает в небо, как слюну.
Из этого вулкана, из колодца,
От времени до времени исходит
Огнистый ток, и в том потоке

И выйдут, и войдут, чтобы снова

И много их, и много-много раз
Восходят и нисходят эти души.
Подвижный воздух током

Схватил меня и, от горы

Переместил внезапно в глубину.
Я вышел из нее, и вот примчался
Другой воздушный ток, неся с

Толпами, легионы сотен душ,
И силою столкнувшихся порывов
Я был перенесен в иное место,
И мнилось мне, что, виденные

Все души здесь собрались, и хотя
Их пытки были здесь еще сильнее,
Они на вид спокойные стояли,
Все с радостными лицами, и воздух
Не оглашали криком нетерпенья,
И в небеса вперили упорный взор,
Как тот, кто ожидает милосердия,

Роняли слезы нежные любви;
И понял я, что это место было
Чистилищем, и так в нем очищались
От прегрешений легких. Не смутили
Меня угрозы демонов, что я
Пройти сквозь все мученья эти
должен,

Напротив, я ободрился. И, видя,
Как постоянно мужество мое,
Они мне приготовили возмездье
Страшнейшее из всех, чье имя -
ад:

Они меня к реке широкой взяли,
На берегу росли цветы огня,
А по руслу ее бежала сера;
Кишели в ней уродливые гидры
И змеи, как чудовища морские,
И страшно широка была она,
А мост через нее тянулся узкий,
Как линия, не больше, и такой
Непрочный, что, казалось,
невозможно

Пройти и не сломать его. Сказали
Мне демоны: "По этой-то дороге
Ты должен совершить свой переход.
Взгляни, как перейдешь; и чтобы
ужас

Тебе сказал, - взгляни, как
переходят".

Я посмотрел и явственно увидел,
Что все, кто этот мост хотел
пройти,
серы,
И змеи грызли их, и рвали гидры
Когтями их на тысячи кусков.
Я назвал имя Бога - Бог помог
мне,
И мужество нашел я, чтоб свершить
Свой переход, и мне не страшны
были

Ни волны, угрожавшие мне снизу,
Ни ветер, что свирепо бил меня.
Дошел я до конца и очутился
В лесу, таком пленительном и
пышном,
Что я возликовал, и дух отвлекся

Ото всего, что было. Путь лежал
Среди деревьев райских - кедров,
лавров,
Здесь бывших на своем достойном
месте.
Земля была усеяна цветами,
Гвоздиками и розами, как будто б
То был узорный шелковый ковер,
Зеленый, белый, алый. Светлый
воздух
Был полон пенья самых нежных
птиц,
Звучавшего и сладостно и грустно,
В созвучьи с многотысячным
журчаньем
Кристалльных вод ручьев. И вдалеке
город,
Возвышенный возник пред взором
Венчало солнце башни и дворцы;
Врата его, из золота, сверкали
Огнями бриллиантов, изумрудов,
Рубинами и горным хрусталем.
Они раскрылись, прежде чем успел
я
До них дойти, и вышла мне
навстречу
Процессия святых; там были
старцы,
И женщины, и юноши, и дети,
И были все объаты ликованием.
инструментов
Под звуки сладко-нежных
окруженный,
Запели Серафимы звучный гимн,
И ангелы ответили им хором.
Вослед за всеми, блеском
Пришел Патрик, великий патриарх,
И заключил меня в свои объатья,
За то, что обещанье я сдержал,
Его до смерти раз еще увидел, -
И радовались все на эту радость.
Ободрил он меня, и мы простились,
Он мне сказал, что смертные не
могут
Войти в прекрасный град, где свет
не меркнет,
И мне велел вернуться в этот мир.

Пройдя свою дорогу без помехи,
Вернулся я назад, и злые духи
Не смели прикоснуться до меня,
И только что успел достигнуть
входа,
Как вы пришли, чтоб встретить
здесь меня.
И так как из опасности я вышел,
Дозвольте, милосердные отцы,
Здесь жизнь дожить мне, смерти
ождая.
Да завершится здесь
повествованье,
История события, о котором
Свидетельствует ясно Дионисий
Сальтаренский, Генрих
Матеус, и Ранульф, и Гейстербах,
Момбрицио, Марко Маруло, Рото,
И Беллярмин, Гибернии примас,
Бенедиктинец Бэда-проповедник,
И Фраи Димас Серпи, и Солино,
И Томас Мессингам {3}, и
благочестье
словом
Всех христиан, своим правдивым
Дающих подтверждение ему.
И посему да завершится драма,
И да начнутся громкие хвалы.

^ТПРИМЕЧАНИЯ^U

^ТОВОСНОВАНИЕ ТЕКСТА^U

Как ни значительны цели, стоящие перед данным изданием, оно, разумеется, не является "критическим". Такая задача по отношению к драме испанского Золотого века (XVI-XVII вв.) медленно, десятилетиями решается и на языке оригинала, несмотря на беспрецедентную (в сравнении, например, с Англией или Францией) сохранность рукописей XVII в., даже автографов.

Задача критического издания текстов К. Д. Бальмонта тоже не дело

ближайшего будущего. Применительно к переводам драм Кальдерона мы пользовались лишь одним "окончательным" текстом, более обработанным, когда речь идет о шести напечатанных самим Бальмонтом пьесах, и менее завершенным в четырех новооткрытых в машинописи 1919 г. пьесах, печатающихся в этой книге в переводе Бальмонта впервые.

Выше в статье отмечалось значение двойных литературных памятников – таких, в которых важна не только художественная ценность оригинала, но ценность вклада переводчика в русскую культуру. Приведены также сведения по истории текстов перевода Бальмонта, открытия машинописи утраченных четырех пьес: "Дама Привидение,", "Луис Перес Галисиец", "Волшебный маг" и "Саламейский алькальд".

Нужно лишь еще раз повторить, что, по мнению издателей, бальмонтские переводы Кальдерона – явление удивительное. Они доказывают осуществимость сочетания максимальной точности (их можно рекомендовать как для занятий по совершенствованию знания испанского языка, так и по проблеме русских лексических и синтаксических эквивалентов стилизованной речи Кальдерона) с высокой поэтичностью.

Пьесы расположены в хронологическом порядке.

В тексте Бальмонта исправлялись лишь явные опечатки и описки.

Написание иностранных имен собственных у Бальмонта сохранялось, но в некоторых случаях, где оно орфографически отличается от современной передачи вследствие известной общей эволюции принятых норм по сравнению с началом XX в., приводилось (с соответствующей оговоркой) к современной норме. Наиболее частое изменение – это сужение употребления "э" (особенно в дифтонгах) или приведение в соответствие с преобладающей современной традицией написания

"у" или "ю" после испанского "ль", не соответствующего ни мягкому, ни твердому русскому "л". Например: вместо дон Гутиэрре у Бальмонта - дон Гутиерре, вместо дон Люис у Бальмонта - дон Луис.

Не воспроизводится также спорная идея Бальмонта обозначать перенос ударения в имени Патрик (по-русски обычно на первом слоге) на "и", в соответствии с испанским (восходящим к латинскому) эквивалентом "Патрисио", путем написания сдвоенного "к" - "Патрикк". Мы пишем просто "Патрик", напоминая, что у Бальмонта всюду ударение на втором слоге: "Патрик".

Не привилась по-русски и употреблявшаяся Бальмонтом (воспроизведенная Сабашниковыми) новоиспанская традиция ставить в начале вопросительных и восклицательных предложений соответствующие знаки в перевернутом виде. В рукописях и изданиях кальдерононских времен она не соблюдалась.

Бальмонт переводил, естественно, по изданиям XIX в., в которые, в отличие от изданий XVII в. и в большинстве случаев более точно следующих им изданий

XX в., вводилось деление трех действий (по-испански - "хорнад", "дней") на сцены ("явления"). Такое деление, ставшее в некотором роде международной нормой издания европейских драм, мы сохраняем. Этим достигается большая полнота воспроизведения перевода таким, каким его видел и слышал сам Бальмонт, а кроме того, обеспечиваются удобства при чтении и постановке, а также при пользовании примечаниями.

В Дополнения включены целиком или с отмеченными сокращениями статьи, которые К. Д. Бальмонт предпосылал своим переводам.

В случае, если в примечаниях используются примечания Бальмонта, они отмечены в скобках инициалами К. Б., а где эти примечания положены в основу измененного или сокращенного текста, то пометой в скобках: по К. Б.

Печатные источники для воспроизведения перевода Бальмонта: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. I-III. 1900, 1902, 1912; для рукописей: ГВИЛ. Отдел Рукописей. Архив К. Д. Бальмонта. Картон Э 10. Ф 261.14 (5-8).

Помещаемый в Дополнении перевод драмы "Жизнь есть сон" известного ученого-испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872-1925) воспроизведен по редкому малотиражному оттиску: Кальдерон Педро. Жизнь есть сон / Пер. Д. К. Петрова. СПб., 1898. Орфография, пунктуация, написание имен сохраняются. Сохранены также и примечания Д. К. Петрова. Надо напомнить, что они написаны в период, когда понятие барокко еще не применялось к литературе и специфика эстетики барокко Кальдерона не была уяснена.

К нашему изданию приложены с соответствующим введением материалы по библиографии русских переводов Кальдерона Г. А. Когана.

Подготовка настоящего издания проходила в известном согласовании с подготовкой книги: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова (Вып. II). Кальдерон и мировая культура XVII в. Отв. ред. академик Г. В. Степанов (1919-1986); выпуск подготовлен Н. И. Балашовым и В. Е. Багно (Л.: Наука, 1986).

Напомним, что, помимо издания отдельных пьес, в СССР были напечатаны два издания сочинений Кальдерона: Педро Кальдерон. Пьесы. Т. I-II /Сост., вступит, статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. переводов Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961; а также: Кальдерон де ла Барка Педро. Избранные пьесы (на испанском языке), с аппаратом на русском языке: статья С. И. Ереминой, подробный комментарий, включающий библиографию А. С. Науменко. М.: Прогресс, 1981.

Основное испанское издание, по которому сверялся текст и на которое

даны ссылки в статьях: Calderbn de la Barka, don Pedro. Obras completes. Vols I-III por A. Valbuena Briones. Madrid / Ed. Aguilar (t. I - 1966; t. II - 1959; t. IIII - 1967).

Настоящее издание осуществляется в двух книгах. В первой помещены шесть драм Кальдерона, в Приложении статья Н. И. Балашова и примечания к шести драмам.

Во второй книге четыре драмы Кальдерона в переводе Бальмонта, в Дополнениях - драма "Жизнь есть сон" в переводе Д. К. Петрова, предисловия Бальмонта к сочинениям Кальдерона. Приложения ко второй книге включают статьи Д. Г. Макогоненко и Г. А. Когана, а также примечания к публикуемым во второй книге драмам.

Н. И. Балашов

"ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА"

(El Purgatorio de San Patricio)

Драма написана в 1643 г. В основе ее лежит известная средневековая легенда о св. Патрике (ок. 389 - ок. 461), распространителе христианства в Ирландии.

Одна из самых фантастических и связанных со средневековым субстратом драм Кальдерона. Объяснение католической неортодоксальности этой драмы см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд.. кн 1: сценическая история драмы в России - в статье Д. Г. Макогоненко, наст. изд., кн. 2.

Бальмонт употребляет не принятое по-русски ударение Патр_и_к (соответствующее латинскому и испанскому произношению). Чтобы передать это

ударение, Бальмонт в первом русском издании 1900 г. писал имя через два "к":

Патрикк.

Хорнада I

1 Что породил семиголовый зверь... - Образцы, заимствованные из Апокалипсиса, гл. 13 и др.

2 ...горный остров. - Имеется в виду Ирландия.

3 ...второй Иосиф... - по Библии, Иосиф был известен как толкователь снов. См. Бытие, гл. 40.

4 Перпиньян - город в Пиренеях, ныне на территории Франции.

5 Меж Францией и Англией тогда // Была война... - Драма полна анахронизмов. Во времена св. Патрика не было собственно ни Франции, ни Англии.

6 Тебе дадут там буллы Селестина. - Селестин I - папа с 422 г. по 432 г. Остальные имена относятся к церковным деятелям того времени.

Хорнада II

1 Кто в мире мог // Избегнуть переменчивости рока? - Тема изменчивости судьбы характерна для Ренессанса и еще более для барочной литературы.

2 Дерзающий прийти во имя Папы. - В церковной истории считается, что Патрик был уполномочен папой ввести христианство в Ирландии,

3 ...О, небо, только этого хочу! - Об образе христианина злодея у Кальдерона см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. 1.

Хорнада III

1 Что я святой Антоний... - Видения и искушения одного из основателей монашества св. Антония были со средних веков постоянной темой в литературе и искусстве.

2 ...кто ты? // Застывший труп... - В испанской драме распространенный мотив явления грешнику вместо женщины ее праха или скелета. Здесь Людовико является как предупреждение его собственный труп.

3 Свидетельствует ясно Дионисий... - Приведение Кальдероном имен тринадцати богословов и церковных авторитетов разных эпох - лучшее свидетельство теологической шаткости всей конструкции драмы, нуждавшейся, даже по мнению автора, в такой экстраординарной поддержке.

Д. Г. Макогоненко